

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. П-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **НОВЫЙ САТИРИКОН**

№ 51

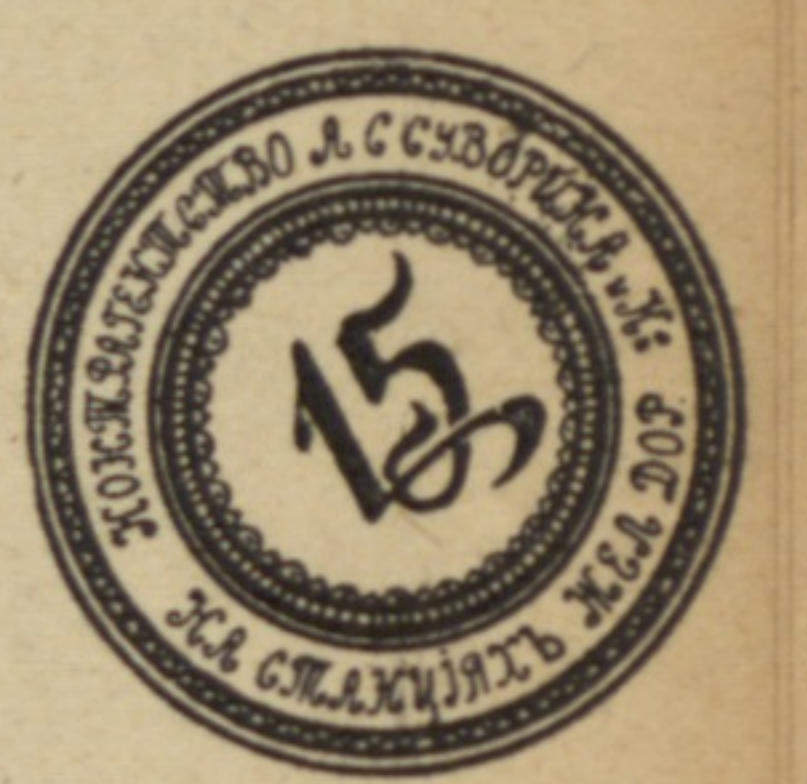
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914
18 ДЕКАБРЯ.

При этомъ номерѣ всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылаются 3-я премія „Нового Сатирикона“ — „Теплая компанія“. Лица, не получившія преміи, благоволятъ сообщить объ этомъ въ контору журнала.

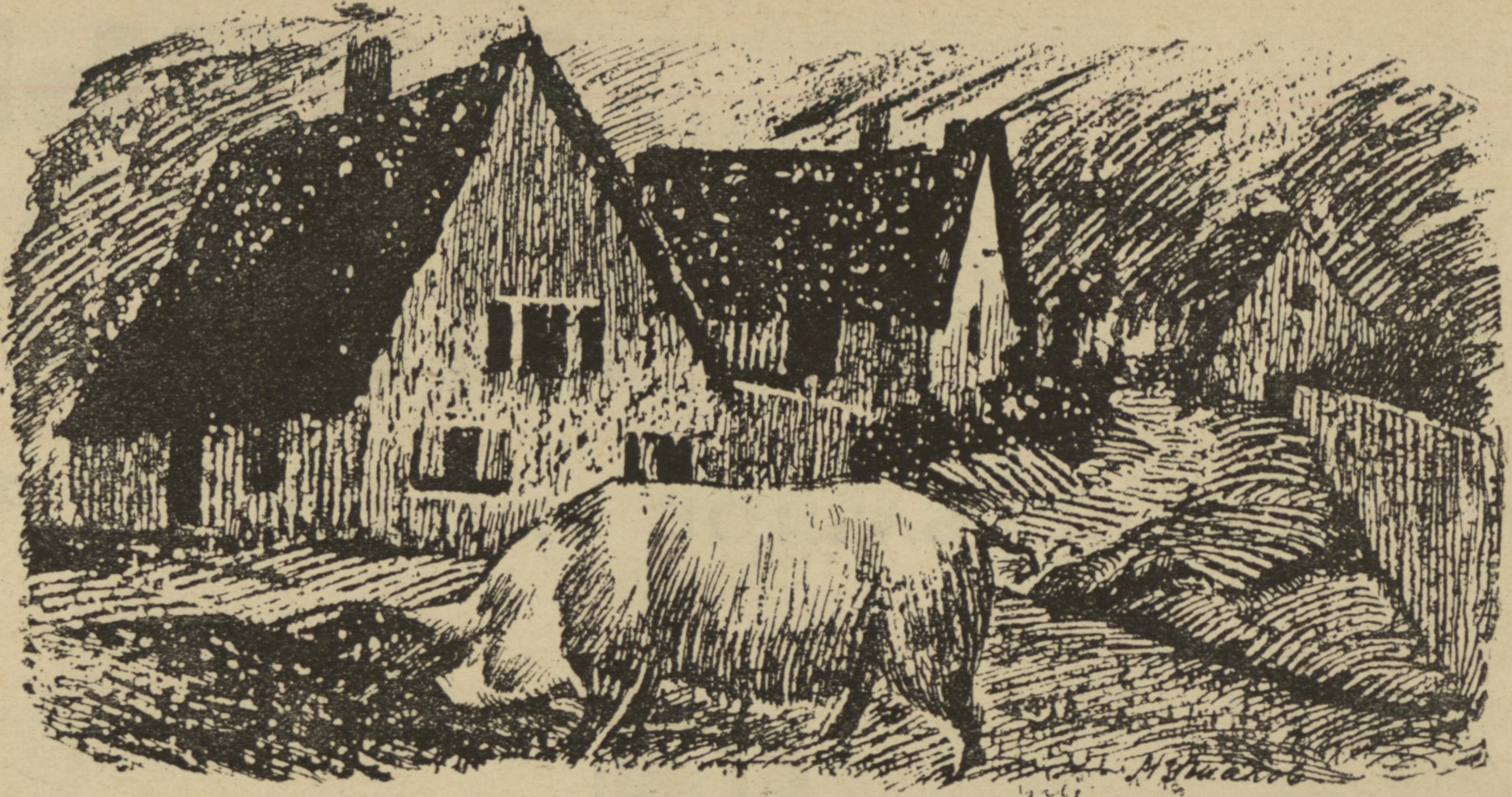

Рис. Ре-ми.

ПРОИГРАННАЯ ПАРТІЯ.

Вильгельмъ Гогенцоллернъ: — Ну, Францъ... Бросимъ наши послѣдніе шары: я — турецкій, ты — венгерскій! Если и этими шарями не собьемъ, тогда надо потихоньку удирать... Впрочемъ, за выпитое и съѣденное можешь заплатить ты!

ВАНЬКА И ГАНСЪ.

(Параллели.)

1.

Хорошо жилось Ваняткѣ
 На родимой сторонѣ.
 Выйдешь къ выгону, — ягнятки
 Съ курдюками да въ рунѣ;
 Ступишь къ лѣсу бугорками,
 Разодѣтыми въ парчу:
 Глухаря — бери руками,
 Звѣря — лопай, не хочу!
 Станешь къ берегу: рыба, —
 Не иначе, какъ въ аршинѣ,
 На носу въ кулакѣ горбина,
 Рыло — въ мачехинѣ кувшинѣ;
 Вышелъ на поле — пшеница...
 Да чего тамъ много врать!
 Глянешь — хочется жениться,
 На подмогу бабу брать.
 Всегда вокругъ Ванятки
 Много всякаго всего...
 Только поле, лѣсъ, ягнятки
 Почему-то — не его!
 Все, что выдумалъ Создатель,
 Все прибрали въ свой кулакѣ:
 Либо нѣмецъ-«арендатель»,
 Либо нѣмецъ «просто такъ».
 Почесалъ Ванятка спину,
 Не резонъ ему вздыхать,
 И подался на чужбину
 Нѣмцу полосу пахать.
 Приобькъ... Пошелъ на смарку
 Деревенскій обиходъ...
 Получаетъ въ сутки марку,
 Стережетъ нѣмецкій скотъ.
 Только вдругъ, въ началѣ лѣта,
 Стало все наоборотъ;
 Получилась эстафета:
 — «На Варшаву, нашъ народъ!».
 И спозналась съ лютымъ плѣномъ
 Горемычная душа:
 Отъ хозяина — полѣномъ,
 Въмѣсто марокъ — ни шиша;
 Наложили власть по шеѣ
 И свезли во весь опоръ
 Рыть нѣмецкія траншеи...
 Ну, и роетъ... до сихъ поръ!

2.

Скверно жилъ въ Юганисталѣ
 Горемыка, бѣдный Гансъ:
 Всѣ дѣла у Ганса стали,
 И не радовалъ балансъ.
 Захотѣлось Гансу свѣта.
 Подбородокъ теребя,
 Покупаетъ два билета —
 Для жены и для себя.
 И, сдавая агентуру,
 Заявляетъ землякамъ:

— «Понесу-ка я культуру
 Этимъ русскимъ дуракамъ!
 Нѣмецъ русскому полезень,
 Какъ конторѣ «Унтервудъ»,
 Безъ меня — капуть gewesen,
 А со мною — проживуть!»
 Сѣлъ... Приѣхаль... Слѣзли... Встали...
 И (Иванушка, внемли!)
 И немедленно достали
 И угодій и земли.
 И расправилъ нѣмецъ бѣльма:
 Оборудовалъ Verein,
 На стѣнѣ — портретъ Вильгельми...
 Жретъ и тянетъ «Wacht am Rhein».
 Ступитъ къ лѣсу бугорками,
 Разодѣтыми въ парчу:
 Глухаря — бери руками,
 Звѣря — лопай, не хочу!
 Глянетъ на поле — пшеница,
 Стебель — во какой, — въ канатъ!
 И не надобно жениться,
 Ибо Гансъ уже женатъ.
 Дни и ночи пруть возами
 Много всякаго всего...
 И, куда ни кинь глазами,
 Все — законное «его»!
 Только вдругъ, въ началѣ лѣта,
 Вплоть до Гансовыхъ долинъ,
 Долетѣла эстафета:
 — «За Варшаву, на Берлинъ!»
 Боже правый, что такое!
 Какъ же съ Гансомъ? Что Verein?
 Не пугайтесь! Все въ покоѣ...
 Жретъ и тянетъ «Wacht am Rhein».

Владиміръ Воиновъ.

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Еще стоя въ передней, я сквозь открытую дверь видѣлъ, какъ Михаилъ Михайловичъ шарилъ руками по одной стѣнѣ, затѣмъ по другой, затѣмъ опускался на колѣни передъ кушеткой и, низко склонивъ голову, водилъ по кушеткѣ пальцемъ.

— Чертей ловить!.. Допился! — вырвалось у меня.

Я остановился въ нерѣшительности: вдругъ набросится на меня и начнетъ меня колотить.

Я понаблюдавъ за нимъ еще нѣсколько минутъ и, не замѣтивъ въ его движеніяхъ особенной порывистости, рѣшилъ войти въ комнату.

Конечно, Михаилъ Михайловичъ былъ «въ порядкѣ»; только въ комнатѣ былъ безпорядокъ: развѣшанныя по стѣнамъ гравюры едва напоминали о себѣ уголками своихъ рамъ, торчащими изъ-подъ средне-европейскаго и западнаго театра военныхъ дѣйствій; кушетка же почти цѣликомъ отошла подъ южный театръ.

— На войну? — спросилъ я, поздоровавшись.

— Да нѣтъ, какой я воинъ!.. Мнѣ нужно въ Швейцарію: врачи посылаютъ. Ну, и мечусь съ одного фронта на другой... Путей ищу...

— Интересно, гдѣ гвоздь настоящаго номера? Спросимъ на слѣдующей страницѣ...

— Гм... да...
 — Ты чего?
 — Вспомнил что-то...
 — Что?
 — Думалъ я — ты чертей ловишь.
 — Ну, вотъ!.. Понимаешь: ъду на Унгени, черезъ Румынію, по всей кушеткѣ... тьфу!.. по Сербіи, черезъ Грецію и Италію... Такъ?.. Австрія и Германія въ сторонѣ... Такъ?

— Такъ!
 — А вотъ и не такъ! — сердито бросилъ онъ, — пока я выхлопоталъ заграничный паспортъ, австріяки въ Сербіи похозяничали, да съ Румыніей и Болгаріей у нея отношенія стали натянутыми...

— А ты рискни, авось и проберешься.
 — Благодарю покорно!.. Я ъду поправлять здоровье, а тутъ въ пути голову сломишь...
 — И прекрасно: поправлять не нужно будетъ!
 — Терпѣть не могу такихъ шутокъ!

Сознаюсь: я люблю немножко «позудить» человѣка, не такъ, конечно, чтобы онъ полѣзъ на меня съ поднятыми кулаками, не такъ, чтобы до бѣлаго каленія, а просто чтобы его немножко покарѣжило, чтобы дѣ-красна... И не со злости, а такъ, какъ говорятъ наши союзники: *roug passer le temps* — и что, конечно, можно сказать по-русски въ двухъ словахъ: для времяпрепровожденія.

И началъ я:
 — А почему бы, въ самъ-дѣлѣ, не поѣхать тебѣ черезъ Румынію?.. Можетъ быть, не убьютъ, не ранятъ, отдѣлаешься легкой контузійей въ голову да какъ-нибудь проберешься въ Швейцарію... Все равно, тамъ будешь ремонтировать, отремонтируешь и голову!

— Удивительно остроумно!
 — Я не настаиваю: не хочешь въ голову — ну, въ руку, ногу!

— Спасибо!
 — Не за что!.. Я вѣдь отъ чистаго сердца.
 Онъ заерзалъ на стулѣ, открылъ ротъ, но сейчасъ же сердито захлопнулъ его.

Я на глазъ прикинулъ состояніе монومتра: можно было еще позудить.

— Въ случаѣ, если тебя австріяки въ плѣнъ заберутъ, — они тебя полѣчатъ; просись въ клинику профессора Ранке...

Я взглянулъ на монومترъ: давленіе доходило до максимума, но я рѣшилъ рискнуть.

— У него есть и ортопедическая мастерская: руку ли, ногу ли искусственную...

Я осѣкся: Михаилъ Михайловичъ уже накалился дѣ-красна. Онъ нѣсколько разъ пробѣжалъ изъ угла въ уголь, потомъ снова зашарилъ руками по средне-европейскому театру и сказалъ:

— И вовсе не умно!.. Но я, все равно, думалъ ѣхать не на Румынію, а черезъ Раумо, мимо Аландскихъ острововъ, черезъ Швецію, Норвегію, черезъ норвежскій портъ Бергенъ въ Англию, а тамъ рукой подать!..

— Великолѣпно, но у Аландскихъ острововъ туманы...

— И пусть!

— Туманы и пловучія мины.

— М-мины?!

— Да ты не безпокойся: пловучія вѣдь.

— А пловучія лучше?

— Подплыветъ и не замѣтишь!

— Ну?!

— Ну, и взлетишь!

— А я все же поѣду! Можетъ, она и не подплыветъ!

— Пароходъ вашъ можетъ на нее напоротъся...

— А я все же поѣду!

Я рѣшилъ довести монومترъ до максимума:

— А, слышалъ я, — отъ Норвегіи до Англии плывутъ тридцать два часа, и всѣ пассажиры сидятъ на верхней палубѣ въ пробковыхъ поясахъ, чтобы какъ напоретъся пароходъ на мину...

— Понимаю! — оборвалъ онъ меня. — Њду! Все-таки ъду!!

...

...Провожая его на Финляндскомъ вокзалѣ, я крѣпко поцѣловалъ его, пожелалъ счастливаго пути и подарилъ пробковый поясъ.

... Черезъ день онъ сообщилъ мнѣ по телефону, что въ Раумо прочелъ о германскомъ крейсере «Берлинѣ», прорвавшемся въ Сѣверное море и разбросавшемъ тамъ мины.

— Лучше, — сказалъ онъ, — поѣду на Румынію — на сушѣ не такъ страшно!

* * *

...Провожая его на Варшавскомъ вокзалѣ, я поцѣловалъ его, пожелалъ счастливаго пути и сказалъ:

— Помни: клиника профессора Ранке, лучшія вѣнскія искусственныя руки и ноги!

Отскочилъ въ сторону и убѣжалъ.

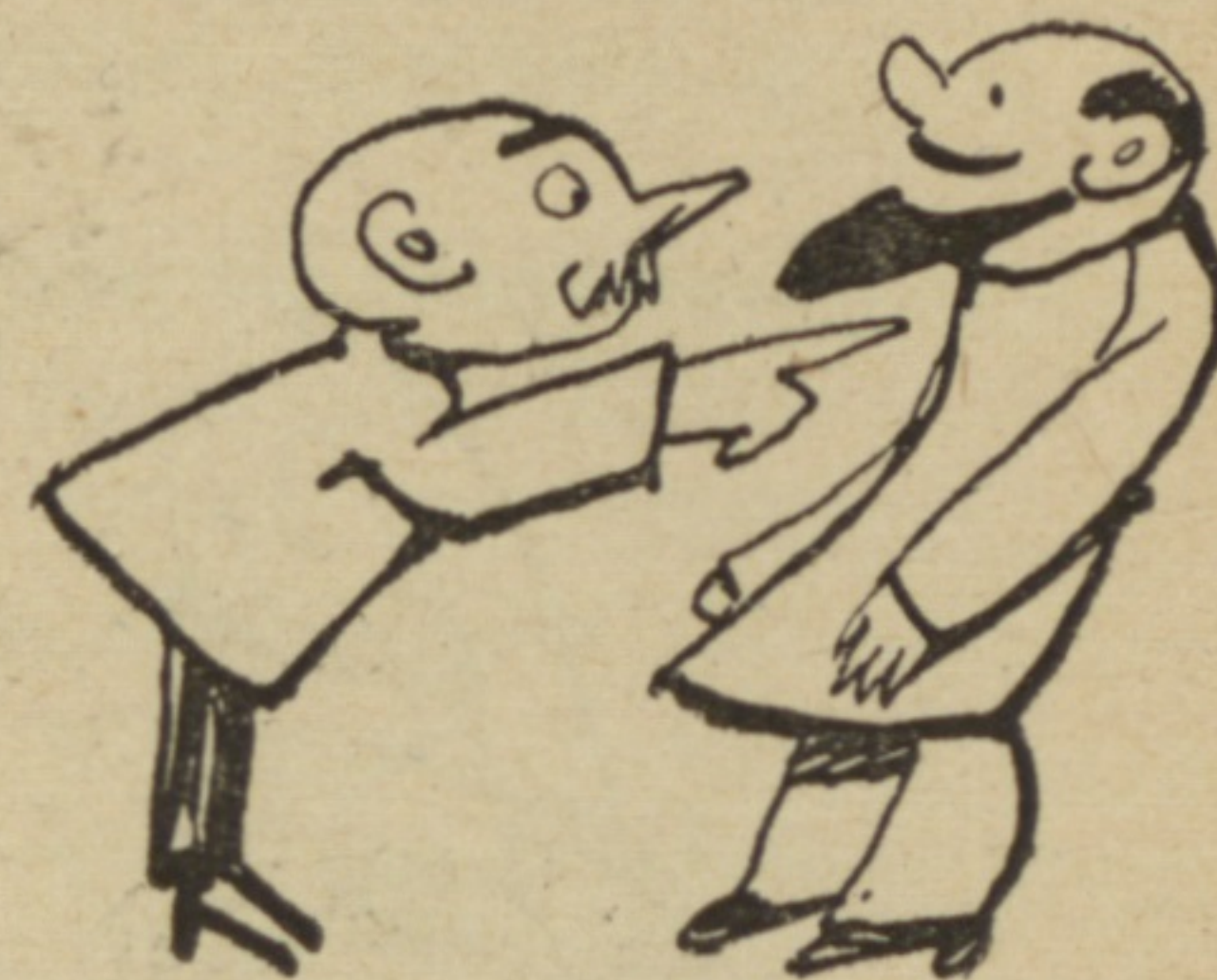
Исидоръ Гуревичъ.

ПРУССКІЯ КАРТИНКИ.

Корпорантъ.

„Ой, Сусанна! Ой, Сусанна!“

Плюнулъ на науки,
 Сунулъ руки въ брюки,
 Веселъ, гордъ и полупьянъ...
 Жизнь ярка, бурлива!
 Сколько въ мірѣ пива!
 Шниты, кружки, бочка, чанъ!!!

— Скажите, не на этой ли страницѣ гвоздь номера?
 — Нѣтъ, дальше.

Ленточки да канты...
 Пьяные таланты...
 Бой рапиръ и милый Bier.
 Громъ да факельцуги...
 Пьяныя подруги
 И трактиръ, трактиръ, трактиръ...

Морда въ славныхъ ранахъ.
 Храбрость въ ресторанахъ.
 Тотъ лишь нѣмецъ, кто храбѣрь.
 Чувствуй, какъ ты жалокъ!
 Бойся нашихъ палокъ,
 Разжирѣвшій филистеръ!

Буршу трудъ повелѣнь.
 Мнѣ служи, коль зеленъ,
 Зеленѣй сосны и пихтъ.
 «Alle Möpse bellen,
 Alle Möpse bellen, —
 Nur der eine Rolmops nicht.»

Громко, невозбранно
 Пойте «Ой, Сусанна!»
 Кто кричитъ, что чепуха.
 «Alle Fische schwimmen,
 Alle Fische schwimmen,
 Nur der Bakfisch...» Ха-ха-ха!..

Съ вами надо строже!
 Хочешь, дамъ по рожѣ?
 Я студентъ, а ты — свинья!
 Все вокругъ туманно...
 Манно... «Ой, Сусанна!»
 Какъ прекрасна жизнь моя!
 Ой, Сусанна! Ой, Сусанна,
 Какъ прекрасенъ я-я-я-я!»

Евг. Вѣнскій.

ПРЕИМУЩЕСТВО РУССКАГО ЯЗЫКА.

Вокругъ плѣннаго нѣмца собрался кружокъ солдатъ изъ интеллигентовъ:

— А болтливый вы народъ, нѣмцы... Любите зря языки чесать.

— Почему?

— Ну, какъ же... Есть у васъ писатель Рода-Рода?

— Есть.

— И городъ Баденъ-Баденъ тоже есть?

— Тоже есть.

— Значитъ, вы должны такъ сказать: «Рода-Рода уѣхалъ въ Баденъ-Баденъ?»

— А какъ же иначе? Развѣ вы не такъ скажете?

— Нѣтъ, у насъ, братъ, это проще: Купринъ уѣхалъ въ Тулу — вотъ и все!

В.

СЛУЧАЙ СЪ ПѢВЦОМЪ НЕИСКУСНЫМЪ.

Нѣкій пѣвецъ, съ голосомъ сиплымъ и гораздо противнымъ, пріѣхаль въ лазаретъ, гдѣ лежали раненые на полѣ брани, — и неукоснительно приступилъ къ пѣнію, якобы для развлечения страждущихъ воиновъ.

— Позвольте, — сказалъ одинъ раненый. — Когда я получилъ рану — я это понимаю: пострадалъ за родину... За что же я страдаю теперь?!

И, отъ одра возставъ, на передовыя позиціи отбылъ.

В.

Рис. Ре-ми.

Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ все время безуспѣшно пытается способствовать заключенію мира между воюющими державами.

(Корресп. изъ Копенгагена).

КОСТЮМЪ НЕ ПО СЕЗОНУ.

Союзники: — Вы? Въ видѣ ангела мира? Въ такомъ костюмѣ? Прилично ли это вамъ, такому солидному человѣку, г. Вильсонъ?! Прикройтесь!

СТРАДАЛЕЦЪ.

Изъ семейства въ семейство сталъ передаваться слухъ, что появился на горизонтѣ города Кошкожимки странный молодой человѣкъ. Очень странный. Не идиотъ, не кретинъ, не сумасшедшій, не эпилептикъ, не дуракъ и не чудакъ, а — странный. И при томъ, въ превосходной степени.

Пяльцевы его видѣли, у Возжовыхъ онъ обѣдалъ, у Салатовыхъ пилъ чай — и вездѣ всѣхъ поражалъ. Любопытные, не видѣвшіе этого страннаго молодого человѣка, никакъ не могли добиться — чѣмъ онъ, собственно, страненъ.

— Ну, что онъ такое?

— Да помилуйте!

— Да что въ немъ?

— А то.

— Да что — то?

— То, что можно сказать, Гулливеръ, а не человѣкъ.

— Напримѣръ?

— Да ну-те! Да будетъ!

— Можетъ, смѣшной?

— Смѣшной?! Наплачешься съ нимъ.

— Съ тигромъ ходитъ? Горящую паклю ѣстъ?

— Ни съ тиграми, ни съ паклями ничего не ѣстъ. Сказано вамъ — странный. Станный — и-и! — странный человѣкъ.

— Да расскажите!

— Да нѣтъ, батенька, этого не расскажешь. Послушать надо; повидать надо.

Среди другихъ семейныхъ гнѣздъ города Кошкожимки очень хлопотали увидѣть сверхъестественное чудо природы члены гнѣзда Раскусихиныхъ. Но молодой человѣкъ былъ, что называется, — нарасхватъ. Однажды, наступилъ благополучный день, когда мѣстный левъ, Авдѣй Пяткинъ, ввелъ страннаго молодого человѣка въ семейство Раскусихиныхъ.

— Позвольте вамъ представить, — говорилъ, комилфотно вѣясь, Пяткинъ, — Ивана Ивановича Ершова; они-съ пріѣзжіе-съ, а ихъ папенька въ Петроградѣ рыбой торгуютъ.

Ершовъ былъ обыкновенный, грудастый, краснощекой молодой человѣкъ, смотрѣвшій исподлобья дѣтскими сѣрыми глазами въ ротъ Пяткину. Пока что — страннаго въ Ершовѣ ничего не было видно.

Раскусихинъ, отставной брандмейстеръ, похожій на кулакъ въ сюртукѣ, — сказалъ:

— Милости прошу къ ларвамъ и пенатамъ нашимъ, и очень пріятно.

— Къ ларамъ, — застѣнчиво поправилъ Ершовъ. — Ларвы — это духи, которые изъ крови убитыхъ.

— Вы такъ увѣрены? — снисходительно спросилъ Пяткинъ и подмигнулъ Раскусихину: «дескать, начинается, сейчасъ».

— Я читаль, — сказалъ Ершовъ, — такъ, къ слову пришлось.

За чаемъ разговоръ, какъ водится, скоро перешелъ на войну и нѣмцевъ. Дочь Раскусихиныхъ, Катя, спросила:

— А кто, по вашему мнѣнію, Иванъ Ивановичъ, красивѣе: русскія или нѣмки?

— Не могу знать, — подумавъ, отвѣтилъ Ершовъ и, посмотрѣвъ въ потолокъ, прибавилъ: — не приходилось.

— Что не приходилось?

— А нѣмокъ видѣтъ. Если повидать, то можно и въ сравненіе ставить, а не видамши, не рыскану выразиться.

— Война скоро кончится, — заявилъ Пяткинъ. — Тутъ да тутъ, да и поднапрутъ. А? Иванъ Ивановичъ? Вы какъ?

— А... не знаю.

— Какъ не знаете?

— Откуда жъ его знать! Неизвѣстно.

— Да вы-то какъ думаете?

— А никакъ.

— Вотъ... Странно. Развѣ вамъ это не интересно? — освѣдомилась мать Раскусихина. — Какъ же!? Всѣ думаютъ, говорятъ...

— Да и я... — поспѣшилъ объясниться Ершовъ, робко глядя на вопросительно изогнутый бюстъ Раскусихиной, — тоже... этово... все читаю... всѣ газеты читаю.

— Вотъ. И на основаніи этого... будучи... такъ сказать, въ курсѣ... имѣете мнѣніе. Имѣете?

— М... м... нѣтъ-съ.

— Никакого?

— Небольшое мнѣніе имѣю-съ.

— А! Интересно. Какое?

— Такое, что неизвѣстно. Можетъ, скоро кончится, а можетъ — не скоро. А мнѣ откуда же знать? Не дано-съ.

— Иванъ Ивановичъ! — подмигивая мамашѣ и сія сознаниемъ превосходства, заговорилъ Пяткинъ, — вашему, знаете, этакому нерѣшительному уму удивляются положительно всѣ. У каждаго есть мнѣнія, а у васъ нѣтъ. Что вы, лучше другихъ, что ли?

— Н... не знаю, — сказалъ Ершовъ, понутивъ голову.

— Опять не знаете. А Турція? Что будетъ съ этимъ политическимъ разлагающимся организмомъ?

— Да откуда же мнѣ? Да я... да я же не знаю!! Что я — Богъ или турецкій генераль?

— Хорошо, — вступилъ Раскусихинъ. — Есть Турція? А? Иванъ Ивановичъ!

— М... м... — есть...

— Воюетъ?

— Воюетъ...

— Бьютъ?

— Бьютъ...

— Ну!?

— Такъ не знаю же я, о, Господи! Есть, воюетъ, бьютъ, — такъ-съ... А что ей по турецкой ея участи будетъ — такъ я не знаю же!!

Ноты отчаянія слышались въ его голосѣ. Онъ вытеръ вспотѣвшій лобъ и безнадежно, тоскующими глазами уперся въ самоварный подносъ.

— Странно, — процѣдила мамаша. — Есть такія вещи, что ихъ всякій лавочникъ знаетъ. А не знаетъ, такъ все же по-своему о томъ думаетъ.

— Да что жъ! — сказалъ Ершовъ, — если не знаю.

— А думаете?

— Думаю... какъ не думать? — газеты читаю...

— А что же, примѣрно, думаете?

— О чемъ это изволите?

— Да о войнѣ.

— Разное такое.

— Какое разное?

— А... вотъ... что... война. Воюютъ...

— Только всего?

— А только жъ всего и есть.

— Господи! — сказалъ Раскусихинъ, — ларвами давеча меня укорилъ, о ларвахъ знаетъ, а тутъ... пустяковой Турціи какой-то ходу въ умѣ дать не можетъ! Мозгами раскинуть! Эхъ!

— Объ ларвахъ читаль-съ, — сказалъ Ершовъ, — суетьере, значить, такое... Досконально.

— Знаете?

— Знаю-съ. Читаль-съ.

— Вы, значить, умный? А другіе дураки, да?

— Не могу знать-съ...

Всѣ обидѣлись. Переконфуженный Ершовъ помялся и сталъ прощаться. Его не удерживали.

На улицѣ онъ остановился, облегченно вздохнулъ, закурилъ.

— Вотъ, въ гости зовутъ, мучать... — шопотомъ жаловался онъ темному деревянному забору. — Опять же вчера. Пристали эти Блинчиковы. — «Что и какое думаете вы насчетъ Америки?» Мы, говорятъ, думаемъ, что воевать будетъ... а вы? Да я же не знаю! Я же не былъ тамъ! Что я, американскій министръ, что ли?! Можетъ, будетъ воевать, а, можетъ, не будетъ! Откуда мнѣ знать?

А. С. Гринъ.

— И здѣсь я не могу найти гвоздь номера! Побѣгу дальше!..

Рис. А. Радакова.

ГАДАНЬЕ.

Нагадаетъ — да что? —
Пѣтунецъ намъ черный,
Рѣшето, рѣшето,
Яровья зерна.
Становитесь кругомъ,
Дѣвки, молодухи!
Коли хлопнетъ крыломъ —
Надо быть разрухѣ.
Коли клонетъ зерно,
Клонетъ другое,
Будетъ смѣхъ да вино,
Время золотое.
Коли справа зайдетъ,
Отъ дружка невѣстѣ
И любовь и почетъ,
Радостныя вѣсти.
Коли слѣва — пролей
Слезы горевыя —
Не дождешься вѣстей,
Иль придутъ худыя.

Коль повалится съ ногъ —
Хворость-недомога,
А не то за порогъ —
На погостъ дорога.
А вскудахчетъ пѣтухъ,
Не гадайте — бросьте,
Это чортъ иль вѣдунъ
Жалуетъ къ вамъ въ гости.
Ну-ка, Петька, ходи,
Околь домового,
Всѣмъ сестрамъ угоди,
Не сули худого.
Бьетъ Стужайка съ плеча...
Въ горенкѣ топленой
Отъ платковъ кумача
Духъ такой ядреный.
Очи ярче свѣчи,
Жарче угля груди —
Сивый дѣдъ не ворчи:
«Чтой-то, дѣвки, буде?»

Ал. Рославлевъ.

СТРАШНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

Обращая взоръ свой къ тихимъ розовымъ долинамъ моего дѣтства, я до сихъ поръ испытываю подавленный ужасъ передъ Страшнымъ Мальчикомъ.

Широкимъ полемъ разстилается умиленное дѣтство — безмятежное купанье съ десяткомъ другихъ мальчишекъ въ Хрустальной бухтѣ, шатанье по Историческому бульвару съ цѣлымъ ворохомъ наворованной сирени подмышкой, бурная радость по поводу какого-нибудь печальнаго событія, которое давало возможность пропустить учебный день, «большая переменна» въ саду подъ акаціями, змѣившимися золотисто-зеленыя пятна по растрепанной книжкѣ «Родное Слово» Ушинскаго, дѣтскія тетради, радовавшая взоръ своей снѣжной бѣлизной въ моментъ покупки и внушавшая на другой день всѣмъ благомыслящимъ людямъ отвращеніе своимъ грязнымъ пятнистымъ видомъ, тетради, въ которыхъ по тридцати, сорока разъ повторялось съ достойнымъ лучшей участи упорствомъ: «Нитка тонка, а Ока широка» или пропагандировалась несложная проповѣдь альтруизма: «Не кушай, Маша, кашу, оставь кашу Мишѣ», переснимочныя картинки на поляхъ географіи Смирнова, особый сладкій сердцу запахъ непровѣтреннаго класса — запахъ пыли и прокисшихъ чернилъ, ощущеніе сухого мѣла на пальцахъ послѣ усердныхъ занятій у черной доски, возвращеніе домой подъ ласковымъ весеннимъ солнышкомъ, по протоптанымъ среди густой грязи, полупромохшимъ, упругимъ тропинкамъ, мимо маленькихъ мирныхъ домиковъ Ремесленной улицы, и, наконецъ, среди этой кроткой долины дѣтской жизни, какъ нѣкій грозный дубъ возвышается крѣпкій, смахивающій на желѣзный болтъ, кулакъ, вѣнчающій худую, жилистую, подобно жгуту изъ проволоки, руку Страшнаго Мальчика.

— И здѣсь не гвоздь! Усталъ я, запыхался. Нечего дѣлать — побѣгу дальше...

Его христіанское имя было Иванъ Аптекаревъ, уличная кличка сократила его на «Ваньку Аптекарѣнка», а я въ пугливомъ кроткомъ сердцѣ моемъ окрестилъ его: Страшный Мальчикъ.

Дѣйствительно, въ этомъ мальчикѣ было что-то страшное: жилъ онъ въ мѣстахъ совершенно неизслѣдованныхъ — въ нагорной части Цыганской Слободки; носились слухи, что у него были родители, но онъ, очевидно, держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, не считаясь съ ними, запугивая ихъ; говорилъ хриплымъ голосомъ, поминутно сплевывая тонкую, какъ нитка, слюну сквозь выбитый Хромымъ Возжонкомъ (легендарная личность!) зубъ; одѣвался же онъ такъ шикарно, что никому изъ насъ даже въ голову не могло придти скопировать его туалеты: на ногахъ рыжіе, пыльные башмаки съ чрезвычайно тупыми носками, голова вѣнчалась фуражкой, измятой, передомленной въ неподлежащемъ мѣстѣ, и съ козырькомъ, треснувшимъ посрединѣ самымъ вкуснымъ образомъ.

Пространство между фуражкой и башмаками заполнялось совершенно выцвѣтшей форменной блузой, которую охватывалъ широченный кожаный поясъ, спускавшійся на два вершка ниже, чѣмъ это полагалось природой, а на ногахъ красовались штаны, столь вздувшіеся на колѣнкахъ и затрепаннныя внизу, — что Страшный Мальчикъ однимъ видомъ этихъ брюкъ могъ навести панику на населеніе.

Психологія Страшнаго Мальчика была проста, но совершенно намъ, обыкновеннымъ мальчишкамъ, непонятна. Когда кто-нибудь изъ насъ собирался подраться, онъ долго примѣривался, вычислялъ шансы, взвѣшивалъ и, даже все взвѣсивъ, долго колебался, какъ Кутузовъ передъ Бородино. А Страшный Мальчикъ вступалъ въ любую драку просто, безъ вздоховъ и приготовленій: увидѣвъ не понравившагося ему человѣка, или двухъ, или трехъ, — онъ крякалъ, сбрасывалъ поясъ и, замахнувшись правой рукой такъ далеко, что она чуть его самого не хлопала по спинѣ, бросался въ битву.

Знаменитый размахъ правой руки дѣлалъ то, что первый противникъ летѣлъ на землю, вздымая вокругъ себя облако пыли; ударъ головой въ животъ валилъ второго; третій получалъ неуволимые, но страшные удары обѣими ногами... Если противниковъ было больше, чѣмъ три, то четвертый и пятый летѣли отъ снова молниеносно закинутой назадъ правой руки, отъ методическаго удара головой въ животъ — и такъ далѣе.

Если же на него нападали пятнадцать, двадцать человѣкъ, то сваленный на землю Страшный Мальчикъ стоически переносилъ дождь ударовъ по мускулистому гибкому тѣлу, ста-

раясь только повертывать голову, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы примѣтить, кто въ какое мѣсто и съ какой силой бьетъ, дабы въ будущемъ закончить счеты со своими истязателями.

Вотъ что это былъ за человѣкъ — Аптекарѣнокъ.

Ну, не правъ ли я былъ, назвавъ его въ сердцѣ своемъ, Страшнымъ Мальчикомъ?

* * *

Когда я шелъ изъ училища въ предвкушеніи освѣжительнаго купанья на «Хрусталькѣ», или бродилъ съ товарищемъ по Историческому бульвару въ поискахъ ягодъ шелковицы, или просто бѣжалъ невѣдомо куда, по невѣдомымъ дѣламъ, — все время налетъ тайнаго, неосознаннаго ужаса тѣснилъ мое сердце: сейчасъ гдѣ-то по городу бродитъ Аптекарѣнокъ въ поискахъ своихъ жертвъ... Вдругъ онъ поймаетъ меня и избьетъ меня въ конецъ — «пустить юшку», по его живописному выраженію.

Причины для расправы у Страшнаго Мальчика всегда находились...

Встрѣтивъ какъ-то при мнѣ моего друга Сашку Ганнибоцера, Аптекарѣнокъ холоднымъ жестомъ остановилъ его и спросилъ сквозь зубы:

— Ты чего на нашей улицѣ задавался?

Поблѣднѣлъ бѣдный Ганнибоцерь и прошепталъ безнадежнымъ тономъ:

— Я... не задавался.

— А кто у Снурцына шесть солдатскихъ пуговицъ отнял?

— Я не отнял ихъ. Онъ ихъ проигралъ.

— А кто ему по мордѣ далъ?

— Такъ онъ же не хотѣлъ отдавать.

— Мальчиковъ на нашей улицѣ нельзя бить, — замѣтилъ Аптекарѣнокъ и, по своему обыкновенію, съ быстротой молніи перешелъ къ подтвержденію высказаннаго положенія: со свистомъ закинулъ руку за спину, ударилъ Ганнибоцера въ ухо, другой рукой ткнулъ «подъ вздохъ», отчего Ганнибоцерь переломился на-двое и потерялъ всякое дыханіе, ударомъ ноги сбиль оглушеннаго, увѣнчанаго синякомъ Ганнибоцера на землю и, полюбовавшись на дѣло рукъ своихъ, сказалъ прехладнокровно:

— А ты... (это относилось ко мнѣ, замершему при видѣ Страшнаго Мальчика, какъ птичка передъ пастью змѣи)... А ты что? Можетъ, тоже хочешь получить?

— Нѣтъ, — пролепеталъ я, переводя взоръ съ плачущаго Ганнибоцера на Аптекарѣнка. — За что же... Я ничего.

Загорѣлый, жилистый, не первой свѣжести кулакъ закачался, какъ маятникъ, у самаго моего глаза.

— Я до тебя давно добираюсь... Ты мнѣ попадешь подъ веселую руку. Я тебѣ покажу, какъ съ баштана незрѣлые арбузы воровать!

«Все знаетъ проклятый мальчишка», подумалъ я. И спросилъ, осмѣлѣвъ:

— А на что они тебѣ... Вѣдь это не твои.

— Ну, и дуракъ. Вы поворуете всѣ незрѣлые, а какіе же мнѣ останутся? Если еще разъ увижу около баштана — лучше бы тебѣ и на свѣтѣ не родиться.

Онъ исчезъ, а я послѣ этого нѣсколько дней ходилъ по улицѣ съ чувствомъ безоружнаго охотника, бредущаго по тигровой тропинкѣ и ожидающаго, что вотъ-вотъ зашевелится тростникъ, и огромное, полосатое тѣло мягко и тяжело мелькнетъ въ воздухѣ.

Страшно жить на свѣтѣ маленькому человѣку.

* * *

Страшнѣе всего было, когда Аптекарѣнокъ приходилъ купаться на камни въ Хрустальную бухту.

Ходилъ онъ всегда одинъ, несмотря на то, что всѣ окружающіе мальчишки ненавидѣли его и желали ему зла.

Когда онъ появлялся на камняхъ, перепрыгивая со скалы на скалу, какъ жилистый поджарый волченочекъ, всѣ невольно притихали и принимали самый невинный видъ, чтобы не вызвать какимъ-нибудь неосторожнымъ жестомъ или словомъ его суроваго вниманія.

А онъ въ три-четыре методическихъ движенія сбрасывалъ блузу, зацѣпивъ на ходу и фуражку, потомъ штаны, стянувъ заодно съ ними и ботинки, и уже красовался передъ нами, четко вырисовываясь смуглымъ, изящнымъ тѣломъ спортсмена на фонѣ синяго южнаго неба. Хлопалъ себя по груди, и если былъ въ хорошемъ настроеніи, то, оглядѣвъ взросло-

мужчину, затесавшагося какимъ-нибудь образомъ въ нашу дѣтскую компанію, говорилъ тономъ приказанія:

— Братцы! А ну, покажемъ ему «рака».

Въ этотъ моментъ вся наша ненависть къ нему пропала — такъ хорошо проклятый Аптекаренкокъ умѣлъ дѣлать «рака».

Столпившіяся, темныя, поросшія водорослями, скалы образовывали небольшое пространство воды, глубокое, какъ колодезь... И вотъ вся дѣтвора, сгрудившись у самой высокой скалы, вдругъ начинала съ интересомъ глядѣть внизъ, охая и по-театральному всплескивая руками:

— Ракъ! Ракъ!

— Смотри, ракъ! Чортъ знаетъ, какой огромный! Ну, и штука же!

— Вотъ такъ рачище!.. Гляди, гляди — аршина полтора будетъ.

Мужичище — какой-нибудь булочникъ при пекарнѣ или грузчикъ въ гавани, — конечно, заинтересовывался такимъ чудомъ морского дна и неосторожно приближался къ краю скалы, заглядывая въ таинственную глубь «колодца».

А Аптекаренкокъ, стоявшій на другой, противоположной скалѣ, вдругъ отдѣлялся отъ нея, взлеталъ аршина на два вверхъ, сворачивался въ воздухъ въ плотный комокъ — спрятавъ голову въ колѣни, обвивъ плотно руками ноги — и, будто повисѣвъ въ воздухъ на полсекунды, обрушивался въ самый центръ «колодца».

Цѣлый фонтанъ, — нѣчто въ родѣ смерча — взвивался кверху, и всѣ скалы сверху донизу заливались кипящими потоками воды.

Вся штука заключалась въ томъ, что мы, мальчишки, были голые, а мужикъ — одѣтый и послѣ «рака» начиналъ напоминать вытасеннаго изъ воды утопленника.

Какъ не разбивался Аптекаренкокъ въ этомъ узкомъ скалистомъ колодецѣ, какъ онъ ухитрялся поднырнуть въ какія-то подводныя ворота и выплыть на широкую гладь бухты — мы совершенно недоумѣвали. Замѣчено было только, что послѣ «рака» Аптекаренкокъ становился добрѣе къ намъ, не билъ насъ и не завязывалъ на мокрыхъ рубашкахъ «сухарей», которые приходилось потомъ грызть зубами, дрожа голымъ тѣломъ отъ свѣжаго морского вѣтерка.

* * *

Пятнадцати лѣтъ отъ роду мы всѣ начали «страдать».

Это — совершенно своеобразное выраженіе, почти не поддающееся объясненію. Оно укоренилось среди всѣхъ мальчишекъ нашего города, переходящихъ отъ дѣтства къ юности, и самой частой фразой при встрѣчѣ двухъ «фрайеровъ» (тоже южное аргю) было:

— Драстуй, Сережка. За кѣмъ ты страдаешь?

— За Мацей Огневой. А ты?

— А я еще ни за кѣмъ.

— Ври больше. Что же ты другу боишься сказать, чтолика?

— Да минѣ Катя Капитанаки очень привлекаетъ.

— Врешь?

— Накарай минѣ Господь.

— Ну, значить, ты за ней страдаешь.

Уличенный въ сердечной слабости, «страдаецъ за Катей Капитанаки» конфузится и для сокрытія прелестнаго полудѣтскаго смущенія загибаетъ трехэтажное ругательство.

Послѣ этого оба друга идутъ пить бузу за здоровье своихъ избранницъ.

Это было время, когда Страшный Мальчикъ превратился въ Страшнаго Юношу. Фуражка его попрежнему вся перстрѣла противоестественными изломами, поясъ спускался чуть не на бедра (необъяснимый шикъ), а блуза верблюжьимъ горбомъ выбивалась сзади изъ-подъ пояса (тотъ же шикъ); пахло отъ Юноши табакомъ довольно ѣдко.

Страшный Юноша, Аптекаренкокъ, переваливаясь, подошелъ ко мнѣ на тихой вечерней улицѣ и спросилъ своимъ тихимъ, полнымъ грознаго величія голосомъ:

— Ты чиво тутъ дѣлаешь, на нашей улицѣ?

— Гуляю... — отвѣтилъ я, почтительно пожавъ протянутую мнѣ въ видѣ особаго благоволенія руку.

— Чиво жъ ты гуляешь?

— Да такъ себѣ.

Онъ помолчалъ, подозрительно оглядывая меня.

— А ты за кѣмъ страдаешь?

— Да не за кѣмъ.

— Ври!

— Накарай меня Госп...

— Ври больше! Ну? Не будешь же ты зря (тоже словечко) шляться по нашей улицѣ. За кѣмъ страдаешь?

И тутъ сердце мое сладко сжалось, когда я выдалъ свою сладкую тайну:

— За Кирой Костюковой. Она сейчасъ послѣ ужина выйдетъ.

— Ну, это можно.

Онъ помолчалъ. Въ этотъ теплый нѣжный вечеръ, напоенный грустнымъ запахомъ акацій, тайна распирала и его мужественное сердце.

Помолчавъ, спросилъ:

— А ты знаешь, за кѣмъ я страдаю?

— Нѣтъ, Аптекаренкокъ, — ласково сказалъ я.

— Кому Аптекаренкокъ, а тебѣ дяденька, — полушутливо, полусердито проворчалъ онъ. — Я, братецъ ты мой, страдаю теперь за Лизой-Евангопуло. А раньше я страдалъ (произносить я вмѣсто а — былъ тоже своего рода шикъ) за Маруськой Королькевичъ. Здорово, а? Ну, братъ, твое счастье. Если бы ты что-нибудь думалъ насчетъ Лизы Евангопуло, то...

Снова его уже выросшій и еще болѣе окрѣпшій жилистый кулакъ закачался у моего носа.

— Видаль? А такъ ничего, гуляй. Что жъ... всякому страдать пріятно.

Мудрая фраза въ примѣненіи къ сердечному чувству.

* * *

12 ноября 1914 года меня пригласили въ лазаретъ прочесть нѣсколько моихъ рассказовъ раненымъ, смертельно скучавшимъ въ мирной лазаретной обстановкѣ.

Только что я вошелъ въ большую, уставленную кроватями палату, какъ сзади меня, съ кровати послышался голосъ:

— Здравствуй, фрайеръ. Ты чего задаешься на макроны?

Родной моему дѣтскому уху тонъ прозвучалъ въ словахъ этого блѣднаго, заросшаго бородой раненаго.

Я съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него и спросилъ:

— Вы это мнѣ?

— Такъ-то, не узнавать старыхъ друзей? погоди, попадешься ты на нашей улицѣ, — узнаешь, что такое Ванька Аптекаренкокъ.

— Аптекаревъ?!

Страшный Мальчикъ лежалъ передо мной, слабо и ласково улыбаясь мнѣ.

Дѣтскій страхъ передъ нимъ на секунду выросъ во мнѣ и заставилъ и меня и его (потомъ, когда я ему признался въ этомъ) разсмѣяться.

— Милый Аптекаренкокъ? Офицеръ?

— Да.

— Ранень?

— Да. (И, въ свою очередь:) Писатель?

— Да.

— Не ранень?

— Нѣтъ.

— То-то. А помнишь, какъ я при тебѣ Сашку Ганнибоцера вздулъ?

— Еще бы. А за что ты тогда «до меня добирался»?

— А за арбузы съ баштана. Вы ихъ воровали, и это было нехорошо.

— Почему?

— Потому что мнѣ самому хотѣлось воровать.

— Правильно. А страшная у тебя была рука, нѣчто въ родѣ желѣзнаго молотка. Воображаю, какая она теперь...

— Да, братъ, — усмѣхнулся онъ. — И вообразить не можешь.

— А что?

— Да вотъ, гляди.

И показалъ изъ-подъ одѣяла короткій обрубокъ.

— Гдѣ это тебя такъ?

— Батарей брали. Ихъ было человекъ пятьдесятъ. А насъ, этого... Меньше.

Я вспомнилъ, какъ онъ съ опущенной головой и закинутой назадъ рукой, слѣпо бросался на пятерыхъ, — и промолчалъ.

Бѣдный Страшный Мальчикъ!

* * *

Когда я уходилъ, онъ, пригнувъ мою голову къ своей, поцѣловалъ меня и шепнулъ на ухо:

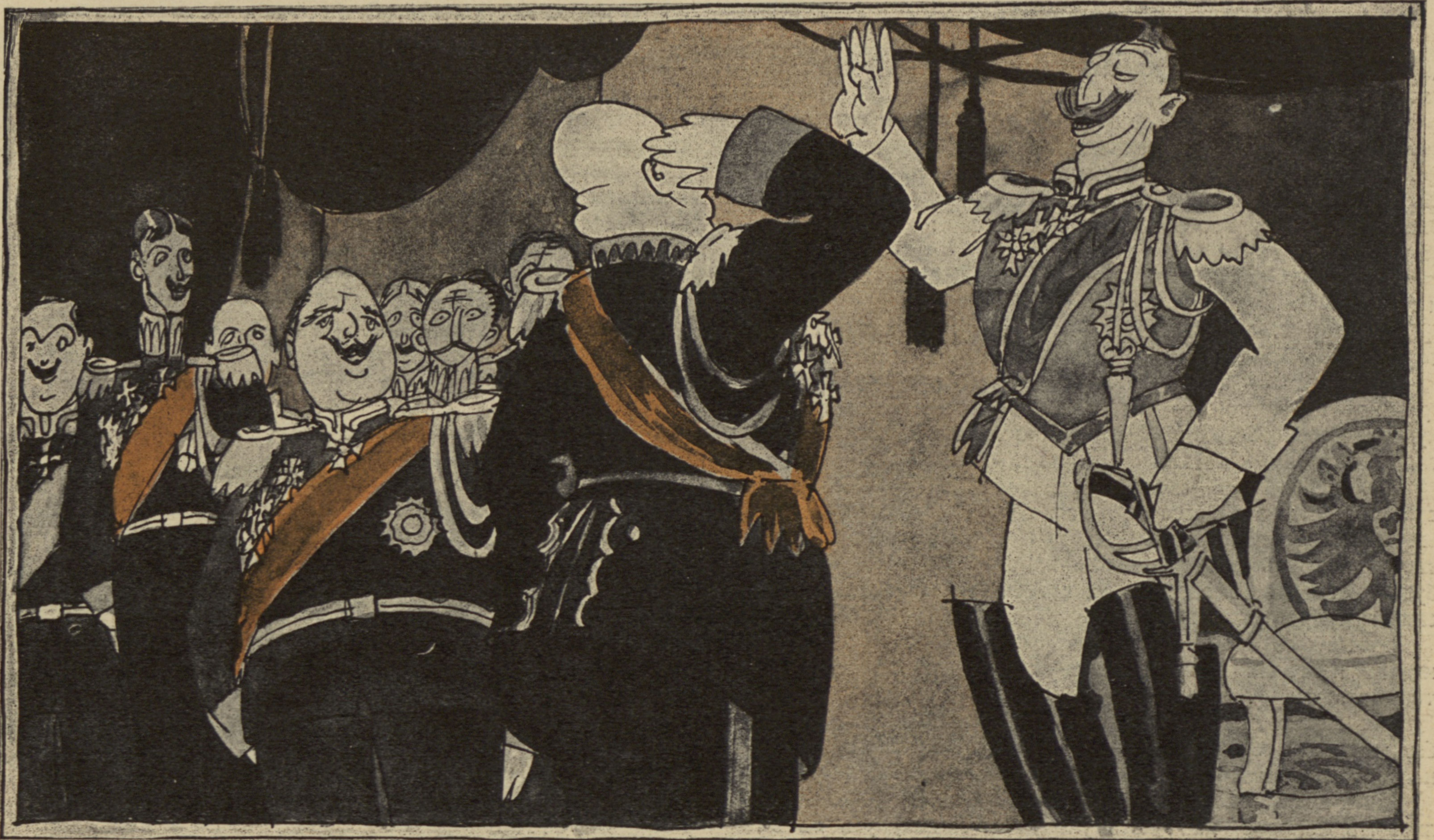
— За кѣмъ теперь страдаешь?

И такая жалость по ушедшемъ сладкомъ дѣтствѣ, по книжкѣ «Родное Слово» Ушинскаго, по «большей перемѣнѣ» въ саду подъ акаціями, по украденнымъ пучкамъ сирени, — такая жалость затопила наши души, что мы чуть не заплакали.

Аркадій Аверченко.

— Загляну сюда: не здѣсь ли гвоздь номера? Нѣтъ, говорятъ — дальше... Уфъ!

Вильгельмъ: — Господинъ Гинденбургъ!! Ваше гениальное стратегическое отступление на восточномъ фронтѣ должно быть увѣнчано достойнымъ образомъ: жалую васъ чиномъ фельдмаршала германской арміи... Гохъ! Побольше бы намъ такихъ полководцевъ!.. А теперь, господа, оставьте насъ однихъ — нужно отдать нѣсколько распоряженій..

— Всѣ ушли, г. Гинденбургъ?
— Всѣ, ваше величество.
— Всѣ! Такъ вотъ, что я тебѣ скажу, старая, слѣпая корова: я бы тебя немедленно повѣсилъ за твое идиотское, бездарное отступление на восточномъ фронтѣ, но только не хочется поднимать скандала... Пошелъ вонъ!!...

— Я думал, что именно здесь гвоздь номера; оказывается — нѣтъ. Придется бѣжать дальше!!

ВѢНСКАЯ МОДА.

Гостья: — Какъ?! Неужели у насъ, въ Вѣнѣ, опять вошло въ моду цвѣтное бѣлье?

Хозяйка: — Нѣтъ, но, видишь ли, мой мужъ офицеръ забралъ все бѣлое на военныя нужды... Для какихъ-то тамъ бѣлыхъ флаговъ, что ли...

СКВЕРНОЕ НАСТРОЕНИЕ...

(Катцен-ямеръ)

Рис. В. Лебедева.

АНДРЕЙ АНДРЕИЧЪ СТЕБЕЛЬКОВЪ.

(Отрывокъ изъ начатаго романа.)

Посв. А. Доброкрывову.

Пусть люди киснуть, — не таковъ,
Съ осанкой прямо офицерской,
Учитель школы министерской,
Андрей Андреичъ Стебельковъ.
Ко всѣмъ — какъ другъ, со всѣми ровень,
Вездѣ — желанный, милый гость;
Въ кругу ль хохочущихъ поповень
Стоитъ онъ, опершись о-трость,
Снуеть ль въ толпѣ неугомонно
Въ престольный праздникъ на лугу;
Иль весело-непринужденно
Шумитъ въ учительскомъ кругу, —
Гдѣ бъ ни былъ онъ, повсюду онъ
Любовью общей окружень.

— Андрей Андреичъ славный парень!..
Рубаха-парень!.. Ртуть!.. Налимъ!..

— И какъ учитель не бездарень!

— И какъ дѣлецъ незамѣнимъ!

Кто макомъ засѣваетъ поле,
Отважно не страшась того,
Что скажутъ люди про него?
Иль за десять рублей всего
Весь полъ перекрываетъ въ школь?
Наоборотъ, въ часы пирушки
Кто главный жрецъ и верховодъ?
Кому, зардѣвшись, имя «душки»
Поповна бойкая даетъ
Въ письмѣ къ проказницѣ-подружкѣ?

«... Наташѣ, Настѣ, Катѣ, Варѣ,
Анисѣ Дмитревнѣ — привѣтъ!..
Какъ онъ играетъ на гитарѣ!
Какъ онъ одѣтъ! Ахъ, какъ одѣтъ!..
Представъ: малиновый жилетъ,
Пиджакъ двубортный, чечунчевый
И галстукъ бабочкой подъ цвѣтъ.
На именинахъ у Поповой
Онъ дирижировалъ лансе —
До колики смѣялись всѣ,
Ну, какъ онъ остроумень, право!..
Представъ: смѣшавши всѣхъ въ толпу,
Кричитъ: «Медамъ, агошь направо!
Жеву занпри аля пупу!»...»

Василій Князевъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Тороватая семья.

Императоръ Вильгельмъ преподнесъ туркамъ роскошные канделябры, предназначенные на гробъ султана Саладина.

Что Вильгельму Саладинъ? Что Саладину Вильгельмъ?

И потомъ что это за „роскошные канделябры“? Въ связи съ возвращеніемъ кронпринца съ западнаго фронта въ Берлинъ — источникъ приобрѣтенія этихъ канделябръ дѣлается очень подозрителенъ...

У Некрасова сказано:

„— Откуда дровишки?

— Изъ лѣсу, вѣстимо.

Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу.“

Здѣсь, кажется, случилось наоборотъ... Если у Вильгельма спросить:

— Отколь канделябры?

Онъ отвѣтитъ:

— Изъ замка, вѣстимо.

Сынокъ, слышь, воруетъ, а я лишь дарю.

— Нѣтъ, рѣшительно не понимаю: уже 10-я страница, а гвоздя номера нѣтъ-какъ-нѣтъ. Перейдемъ на 11-ю страницу.

Живуть умѣючи.

Въ Австріи вызываетъ недовольство то обстоятельство, что состоятельные люди принимаютъ слишкомъ малое участіе въ подпискѣ на военный заемъ. Государственный банкъ сообщаетъ списокъ наиболѣе видныхъ представителей австрійской аристократіи, не подписавшихся на заемъ. Списокъ этотъ воспроизведенъ многими австрійскими газетами. Установлено, что банкъ выступилъ со своимъ обращеніемъ вслѣдствіе предписанія австрійскаго правительства. Сообщение банка заканчивается указаніемъ на то, что *австрійское правительство приметъ мѣры, если подписка не состоится добровольно.*

Можно вообразить, что это за „государственный заемъ“ и что это за „мѣры“, которыя будутъ приняты противъ лѣнливыхъ заимодавцевъ.

— Ты австріецъ?

— Австріецъ.

— Деньги есть?

— Есть. А что?

— На военный заемъ подписался?

— Нѣтъ. Не хочется.

— Не хочется? (бацъ по физиономіи!) Подпишешься? Нѣтъ? (бацъ еще!) Гдѣ у тебя деньги? Въ карманѣ? Держите его, братцы, а я буду подписывать его на заемъ... Вытряхивайте! Вытряхнули? Ну, теперъ дальше. Ведите слѣдующаго.

Бюро Вольфа не преминетъ сообщить при этомъ:

„Заемъ въ Австріи покрытъ населеніемъ съ энтузіазмомъ“.

Какъ успокаиваютъ союзника.

Германія утѣшаетъ Австрію съ деликатностью носорога, смахивающаго ногой пушинку съ севрской вазы:

Газета Berliner „Zeitung am Mittag“ приглашаетъ жителей не беспокоиться по поводу всгупленія русскихъ войскъ въ восточную Пруссію. „Однимъ изъ успокаивающихъ соображеній, говоритъ газета, должно служить то обстоятельство, что врагъ направляетъ свои главные удары не противъ нашей Пруссіи, а противъ австрійской Галиціи“.

Хорошее „успокаивающее соображеніе“!

Кого успокаивающее? Не австріецъ ли?..

Война.

„Петроградск. Курьеръ“ рассказываетъ:

Это похоже на анекдотъ, но лицо, передающее нижеслѣдующее, увѣряло, что это не вымыселъ, а правда.

Дѣло происходило около Нѣмана, въ тотъ періодъ, когда нѣмцы наступали на Августовъ, Сейны, Друскеники.

На берегу, близъ моста, на шоссе былъ поставленъ караулъ; стоятъ часовые...

Съ западнаго берега солдатъ въ затасканной шинели и помятой солдатской фуражкѣ гонитъ гуртъ порціоннаго скота.

Часовые загородили дорогу; скотъ разбѣгается въ разныя стороны.

— Ну, что жъ вы тамъ растопырились, стали! Пропусти, али ослѣпли, не видите, что свой!

Далѣе слѣдуетъ крѣпкая приправа...

— А ты, братъ, не очень ори! Раскричался!.. Мы — инженеръ-технологи...

— Да я самъ — присяжный повѣренный... Изъ Москвы; имѣлъ практику до 5—6 тысячъ... По мобилизаціи взяли. Г-да инженеры! Пропустите!..

„Инженеры“ уступили дорогу, — и „присяжный повѣренный“ побѣжалъ за коровами...

Ничего не подѣлаешь, — война!

Къ охранѣ скота нужно отнестись такъ же заботливо, какъ къ другому военному дѣлу... И не дай Богъ, убѣжить корова — тогда адвокатъ долженъ явиться и истцомъ коровы, и отвѣтчикомъ за нее. Положеніе, выражаясь юридическимъ языкомъ, аховое.

Одно на трехъ.

Выясняется, что во Фландріи германцы ощущаютъ большой недостатокъ въ ружьяхъ. Нынѣ ландштурмисты послѣдняго срока получаютъ ружья въ количествѣ *одного на трехъ человекъ*.

Интересно, какъ распредѣляютъ между собой военныя обязанности эти три человекъ, связанные однимъ общимъ ружьемъ?

Вѣроятно, одинъ таскаетъ ружье за двумя другими, второй стрѣляетъ изъ него, а третій кричитъ въ это время: „гохъ!“ и сдается въ плѣнъ.

Совсѣмъ какъ въ Японіи.

Въ придворныхъ берлинскихъ сферахъ рассказываютъ, что передъ началомъ кампаніи Мольтке, видя колебанія кайзера, вынулъ свою шпагу изъ ноженъ и заявилъ, что онъ покончить съ собой на глазахъ императора, если тотъ не объявитъ Россіи войны.

Можно представить, какая бы сцена произошла, если бы Вильгельмъ не послушался Мольтке и не объявилъ войны:

— Ваше величество! Или объявляйте войну, или я сейчасъ на вашихъ глазахъ проткну себѣ животъ шпагой!..

— Не хочу объявлять войну.

— Ваше величество! Во второй разъ говорю: объявляйте войну. Или же — глядите! — я уже вынимаю шпагу изъ ноженъ!

— Не объявлю.

— Въ третій разъ — предупреждаю: разъ, два, три! Не объявляете? Ну, и не надо. Въ такомъ случаѣ, я подаю въ отставку. Что? И отставки не принимаете? Ну, дайте хоть отпускъ мѣсяца на полтора. Даете? Спасибо.

— Настоящій самурай, — подумалъ довольный Вильгельмъ...

И подписалъ отпускъ.

Жизнерадостный народъ.

Голландскія газеты приводятъ нѣсколько примѣровъ юмора въ Брюсселѣ, не покидающаго бельгийцевъ и въ тяжелые дни.

„Германскій офицеръ брился на „Rue du Palais“. Парикмахеръ требуетъ 50 сантимовъ.

— Какъ, вчера я платилъ 30 сантимовъ, — кричитъ офицеръ.

— Это вѣрно, но со вчерашняго дня лицо ваше вытянулось, — отвѣчалъ парикмахеръ.

Не за горами то время, когда за нѣмецкое лицо можно драть парикмахерамъ всего міра по 5 марокъ — такъ оно вытянется.

Дураки или ...?

Копенгагенъ. Два поѣзда, наполненные оружіемъ и боевыми припасами, прослѣдовали черезъ Бухарестъ и Софію въ Константинополь. На границахъ таможеннымъ чиновникамъ этотъ грузъ былъ предъявленъ, какъ личная собственность фонъ-деръ-Гольцъ-паши и послѣ этого былъ совершенно свободно пропущенъ.

Таможенные чиновники — какъ болгарскіе, такъ и румынскіе — очевидно, большіе дураки!

Увидѣли они цѣлыхъ два поѣзда, биткомъ набитыхъ пушками, зарядами, пулеметами, — удивились.

— Это что такое? — спросили Гольцъ-пашу.

— Это? Пулеметы. Мои.

— Неужели ваши? Зачѣмъ же вамъ такъ много?

— Сто-то штукъ — много? Да тутъ и обернуться нечѣмъ.

— Да зачѣмъ они вамъ?

— Однимъ пулеметомъ бреюсь, другимъ полъ подметаю, пушка вмѣсто карандаша служить... Изъ патроновъ супъ-разсолникъ варю.

— Ну, тогда другое дѣло, — сказали доверчивые болгаро-румыны. — Тогда можно.

Есть сортъ людей, опредѣленіе моральныхъ свойствъ которыхъ колеблется между двумя понятіями: или дуракъ, или мошенникъ.

Друзья человѣчества.

Стоитъ только появиться какой-нибудь модѣ, хотя бы самой нелѣпой, чтобы она нашла много горячихъ поклонниковъ.

„Биржевъ Вѣд.“ сообщаютъ:

Вчера днемъ въ помещеніе женской гимназіи Гедда явился неизвѣстный, который ввелъ съ собою лошадь. Воспитанницы, увидѣвъ въ коридорѣ лошадь, подняли невообразимый шумъ. Неизвѣстный былъ задержанъ и препровожденъ въ мѣстный полицейскій участокъ, гдѣ объяснилъ свой поступокъ боязнью оставить лошадь на улицѣ.

Если бы этотъ поступокъ остался безъ подражанія — его можно было бы назвать глупымъ. Но разъ нашлись послѣдователи, это можно уже считать укоренившейся среди петроградцевъ модой:

Вчера на разсвѣтѣ въ огромномъ шестиэтажномъ домѣ В. П. Лихачева № 83 по набережной Екатерининскаго канала произошелъ случай, вызвавшій самые разнорѣчивые толки.

Проживающимъ въ одной изъ квартиръ 6 этажа г. Веберомъ въ четвертомъ часу утра была приведена по парадной лѣстницѣ въ свою квартиру лошадь.

Вскорѣ въ домъ прибылъ приставъ 3 уч. Казанской части, подробно выяснившій всѣ обстоятельства ночной исторіи.

Лошадь, дѣйствительно, оказалась въ квартирѣ, она находилась на кухнѣ и мирно жевала положенный передъ нею хлѣбъ. („Петрогр. Кур.“)

Вѣроятно, гостеприимный хозяинъ переживаетъ сейчасъ большую душевную драму. Рѣшилъ человѣкъ закружиться въ вихрѣ разсѣянной жизни, привелъ гостью, угостилъ ее, чѣмъ Богъ послалъ, — и вдругъ приставъ 3-го участка безжалостно прервалъ эту тихую идиллію.

Вѣроятно рѣшилъ приставъ такъ: въ переживаемое нами тяжелое время не до гостей!..

ЛЕНТА.

(На развѣдкѣ.)

Какъ обманувшія слова
Надъ сердцемъ сиротливымъ,
Кружила мертвая листва
Надъ берегомъ тоскливымъ...
Къ декабрьской стынувшей рѣкѣ
Тропинкой чуть замѣтной
Идетъ мой конь, и лнетъ къ лукѣ
Орѣшникъ безотвѣтный...
Какъ будто мы пугаемъ тѣнь:
Что шагъ — свѣтлѣе въ роцѣ,
Груститъ надъ нею зимній день
Смирненѣе и проще...
Спустившись къ царству вешнихъ пчель,
Гдѣ тополя высоки,
Я ленту алую нашель
Средь заспанной осоки, —
Какъ грусть средь шумнаго села,
Какъ пѣсня безъ отвѣта,
Она одна еще жила —
Дитя цвѣтовъ и лѣта...
И вотъ предъ лентой той простой,
Какъ лепестки у розы
Упали съ жгучею тоской
Изъ глазъ усталыхъ слезы...
Хранилъ камышъ шуршащій слѣдъ
Давно уплывшей лодки,
И поцѣлуй, и привѣтъ,
И тихій смѣхъ молодки...
О чьей-то сказкѣ въ камышахъ
Я загрустилъ усталый,
И... о распущенныхъ кудряхъ
Безъ этой ленты алой...
Конь вздрогнулъ — чуткій вѣстовой,
Не побоятся броду,
Хоть, прожужжавъ надъ головой,
Упала пуля въ воду...
А лента?.. Ею что свяжу
Въ степи сырой, унылой?..
Лишь крестъ, быть можетъ, обяжу
Надъ свѣжею могилой!..

— Гвоздь?! Гдѣ же гвоздь номера?! Неужели еще дальше?!

Сергій Михѣевъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Петроградскій Обозрѣватель“ высказываетъ въ „Петрогр. Газетѣ“ очень странный взглядъ на художниковъ:

Санитарная часть у насъ такъ хорошо поставлена, что художникамъ собственно нечего дѣлать на войнѣ.

Въ Константинополѣ санитарная часть скверно поставлена, но тамъ есть масса бродячихъ собакъ, которыя сѣдаютъ всѣ отбросы.

Такъ что въ Константинополѣ собаки имѣютъ прямое отношеніе къ санитарному дѣлу.

Но какое отношеніе имѣютъ художники къ санитарному дѣлу — этого, хоть убей, никто не пойметъ.

Есть у „Петрогр. Обозрѣвателя“ свой небольшой огородикъ, въ которомъ онъ разводитъ бузину; есть дядя, проживающій постоянно въ Кіевѣ... Приѣхать бы этому дядѣ въ Петроградъ, обломить вѣтку бузины, да и объяснить племяннику взаимоотношеніе между живописью и санитаріей.

Въ газетѣ „Гродненское Эхо“ напечатаны стихи, которые если прочесть ломовой лошади, то она зашатается и съ жалобнымъ ржаньемъ грохнется оземь.

Называются эти замѣчательные стихи: „Русь — Россія“:

Русь — наша родная мать!..

Взрастила насъ русской землей,

Кровію, потомъ облитой, добытой

Въ наслѣдіе дѣтямъ отдасть!..

Въ ней все — наслѣдіе предковъ,

Политое кровію, потомъ роднымъ,

Съ завѣтомъ усопшихъ героевъ: —

„Мертвый сраму не имуть“!..

За Россію!.. на раны и смерть русской пойдеть: —

Въ немъ Князь — Витязь, Пожарскій, живетъ

Мишинъ — мясникъ, гражданинъ мудрый,

Пахарь — Сусанинъ, и воинъ — Христовъ, Авраамій!..

Выше авторъ г. Даничъ патетически заявляетъ, что „мертвые сраму не имуть“...

Своими стихами Даничъ доказалъ, что и съ живыми это иногда случается.

Одна одесская газета помѣщаетъ корреспонденцію:

... „Поручикъ N, раненый въ районъ головы“.

Можно быть увѣреннымъ, что на фронтѣ лица корреспондента газеты нельзя усмотрѣть ничего выдающагося.

„О ЧЕМЪ ПЪЛА ЛАСТОЧКА“.

Какъ-то разъ, въ кругу семейномъ, за вечернимъ самоваромъ,
Я завелъ бесѣду съ нѣмцемъ, — патриотомъ очень яримъ.
Онъ пріѣхалъ изъ Берлина, чтобы намъ служить примѣромъ —
Съ замѣчательнымъ пробормомъ, кодакомъ и несессеромъ.
Онъ привезъ супругу Эмму, съ «вѣчно женственнымъ», въ
кавычкахъ,
Съ интересомъ къ акушерству и культурностью въ привычкахъ.

Разговоръ, какъ подобаетъ — все вокругъ культуры терся...
На германскомъ идеалѣ я застѣнчиво уперся.

Снисходительной усмѣшкой, оцѣнивъ мою смиренность,
Онъ сказалъ: — «Мейнъ геръ, прошу васъ извинить за откровенность:

Чтобъ понять вы были въ силахъ суть культурнаго течения —
Запишите на блокнотѣ золотое изречение.

Изречение — излѣчение отъ экстаза и отъ сплина:
Дисциплина есть культура, а культура — дисциплина.

Дѣти, кухня, кирка, спальня — нашихъ женщинъ обучаютъ;

Дисциплина, кайзеръ, пфеннингъ — имъ въ мужчинахъ отвѣчаютъ.

Идеалъ національный мы, конечно, ставимъ шире:
Отъ Калькутты до Марсея, отъ Марсея до Сибири.

Вы народъ своеобразный, импульсивно неприличный,
Поэтически экстазный и, — увы, — нигилистичный.

Льва и Гоголя, Толстого изучалъ я со вниманьемъ...
Поразительно! Писали съ несомнѣннымъ прилежаньемъ...

Я пустилъ въ него стаканомъ (Ты бѣ стерпѣть, читатель,
могъ ли?)

Онъ гороховыя брюки подтянулъ, чтобъ не подмокли.

И, картинно улыбаясь, молвилъ: «Пятна отъ тѣина
Выводить рекомендую только съ помощью бензина».

P. S. Стиль поддѣлываю Гейне съ тѣмъ намекомъ, что за
Вислой

Сей талантъ великолѣпный признають съ усмѣшкой кислой.

А поэтому полезно изучать, для просвѣщеня,
Въ людодѣдскихъ прусскихъ школахъ всѣ его произведенья.

А. С. Гринь.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Суслику. — Разъ не умѣете сочинять стихи — не гонитесь за щеголеватостью римы:

«... О, эта Сербія!»

Сказалъ въ грудь себя офицеръ бѣя...

Зато въ другомъ мѣстѣ у васъ римуется „галаша“ и „Палаша“. Сообщение ваше о томъ, что васъ „даже однажды чуть-чуть не напечатала одна газета“, — повергло насъ въ жесточайшее изумленіе. Везетъ же человѣку!

Моисею Адову. — У вашей героини „ноздри точеныя“, „руки точеныя“ и даже „розовое точеное ушко“.

Очевидно, вульгарное выраженіе „точить лясы“ вы съ легкимъ сердцемъ перенесли и въ литературу, сочиняя подобные рассказы.

Ваша токарная работа не подошла.

Б. Москва.

Каскадору. — Въ началѣ письма вы бодро сообщаете, что вамъ „самъ кортъ не брать“, а въ концѣ, сбавляя тонъ, оправдываетесь, что „голодь не тетка“.

И отрехшись такимъ образомъ отъ родственниковъ, думаете, что имѣете право „рисовать плохой рассказъ“.

Непослѣдовательно.

Московскому фланеру. — Искренній порывъ:

Лишь увижу я красотку —

Тотчасъ ей я подмигну.

Сейчасъ видно человѣка бывалаго, привыкшаго вращаться въ обществѣ.

...А предъ дряхлою старушкой
Я покорно стану согну.

Читатель подумаетъ: „какой почтительный молодой человѣкъ“ но послѣдующія срамаки разочаруютъ читателя:

И скажу ей: „эй старушка!

Поддержи-ка молодца!

Дай деньжонокъ мнѣ побольше,

Дальше будетъ — ха-ца-ца!

Идите съ Богомъ своей дорогой, веселый, молодой человѣкъ.

В. Провинція.

Астрахань. — М. М. О. — „Когда читаю вашъ журналъ — прямо хватаюсь за животики“.

Поза эта имѣетъ свои неудобства при перелистываніи читаемаго журнала. Кромѣ того, высказанное вами мнѣніе о нашемъ журналѣ не мѣшаетъ намъ высказать наше мнѣніе о вашемъ рассказѣ: плохо.

Мелитополь. — Кобозеву. — Кобозевъ простоудушно проситъ: „Если моя вещица къ (?) вамъ не подойдетъ, прошу отнести ее въ какой-нибудь другой журналъ“.

Это можно.

Завтра редакторъ встанетъ пораньше и обойдетъ всѣ петроградскія редакціи. Можетъ, что-нибудь и выйдеть...

Въ простр. — Тигролотову. — „Рассказъ такой посылаю, что пальчики оближете!“

Не ваши ли? Откусить ихъ нужно, чтобы не брались больше за перо.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Издательство «НОВЫЙ САТИРИКОНЪ».

вышли въ свѣтъ повторныя изданія слѣдующихъ книгъ:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „О ХОРОШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.

ТЭФФИ. „ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

ЕОМА ОПИСКИНЪ. „СОРНЫЯ ТРАВЫ“.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „КРУГИ ПО ВОДѢ“.

ВЛАДИМІРЪ ВОИНОВЪ. „СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ. „ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ. „ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ“.

вышли въ свѣтъ новыя выпуски „ДЕШЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

3-й годъ изданія.

3-й годъ изданія.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА роскошно иллюстрированного журнала. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ.

НѢКОТОРЫЕ НОМЕРА ВЪ 8-9 КРАСОКЪ.

Въ теченіе года будетъ дано около 800 рис. и карикатуръ; проза, стихи лучшихъ русскихъ литераторовъ и юмористовъ.

3 БЕЗПЛАТН. ПРЕМИИ: ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ БЕЗПЛАТН. ПРЕМИИ: **3**

I томъ — „БОРДОВАЯ КНИГА“

О ВОЙНѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ.

Причины войны.	Псвѣденіе Вильгельма.	Австрійцы, какъ таковыя.
Кѣмъ она вызвана.	Подвиги нѣмцевъ.	Теченіе войны — и проч.

НВ. Сатириконцы отнесутся къ „БОРДОВОЙ КНИГѢ“ съ подобающей серьезностью.

I книга-альбомъ — „ОСИНОВЫЙ КОЛЪ“

На могилу зеленого змія :: Роскошно иллюстрированное изданіе. Исторія пьянства въ Россіи. Типы пьяницъ. Борьба съ пьянствомъ и проч.

I книга „ПИСЬМОВНИКЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“

Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ, а также танцевальныхъ разговоровъ.

Изученіе этой книги явится лучшимъ способомъ для подписчика „НОВАГО САТИРИКОНА“ приобрести въ обществѣ такой вѣсъ и значеніе, которые вызовутъ въ окружающихъ восхищеніе и изумленіе съ примѣсью легкой тревоги.

Журналъ „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ будетъ выходить при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добужинскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодіевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.
ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Аве), В. Азовъ, А. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винклеръ, Ал. Вознесенскій, В. В. Воиновъ, Евг. Вѣнскій, Сергій Городецкій (Сатиръ), А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, Далькій, А. Измайловъ, Красный, А. И. Курпиръ, А. П. Каменскій, Г. Ландау, К. Миль (Полярный), Сергій Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Оръ, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, А. Рославлевъ, Борисъ Садовскій, гр. Алексій Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, Дм. Цензоръ, Георгій Чулковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

Безъ доставки 6 руб

Въ Россіи: на годъ 6 р. 50 к., на 1/2 года 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 к.
За границу: на годъ 9 р. 75 к., на 1/2 года 4 р. 90 к., 3 мѣс. 2 р. 45 к., 1 мѣс. 90 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 р., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1 сент. — 1 р. 50 к.

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ 2 руб. и ежемѣсячно каждое 1-ое число по 50 коп.

ЦѢна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 15 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 98. Тел. 59-07.

Редакторъ:

Аркадій Аверченко.

Издатель:

Т-во „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

1915 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
на первый въ Россіи художественный журналъ
ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ
съ роскошными картинами въ краскахъ
по образцу выдающихся иллюстрированныхъ изданій

МІРЪ КРАСОТЫ

ВЕЛИКОЛѢПНОЕ НАСТОЛЬНОЕ УКРАШЕНІЕ.

ДЕВИЗЪ ИЗДАНІЯ: красивая жизнь, красота души, красота въ при-
родѣ, въ искусствѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Красота спасетъ міръ.
Ф. Достоевскій.

Широкіе отдѣлы журнала посвящены: изящной литературѣ (романы, новеллы, рассказы), поэзіи, живописи, музыкѣ, театру, скульптурѣ, изящнымъ работамъ, спорту и художественной критикѣ.

ГРОМАДНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ КАРТИНЪ И ПОРТРЕТОВЪ.
Въ каждомъ № ноты и новѣйшія моды.

Подписавшіеся на 1915 г. получаютъ (ежемесячно):

12 роскошныхъ выпусковъ-альбомовъ иллюстрирован-
12 наго журнала, въ изящныхъ, художественныхъ об-
ложкахъ, съ картинами въ краскахъ.

12 книгъ собранія избранныхъ рассказовъ люби-
мыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Художественныя преміи:

ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ ОТКРЫТЫМИ ПИСЬМАМИ,
въ красивомъ переплетѣ изъ дорогого англійскаго коленкора,
съ художественнымъ золотымъ тисненіемъ.

НАСТУРЦИ. Стѣнная картина въ краскахъ художницы С. КЛЕЙНЪ.	ПОЛЕВЫЕ МАКИ Стѣнная картина въ краскахъ художника ФОНЪ-СИВЕРСЪ.
---	---

Большая, цѣнная стѣнная картина въ краскахъ „CREDO“.
Знаменитого художника **ВЪРУЮ, ГОСПОДИ!** Размѣръ
Ф. Эрлиха 60 × 80 см.
Стоимость картины въ художественныхъ магазинахъ 20 руб.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
На годъ, съ пере- 5 р.; на 2 р. 50 к.; на 3 р. 50 к.
сылкой и доставкой 1 р.; полгода 2 р. 50 к.; мѣсяца 1 р. 50 к.

Изданіе редакціи журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

Редакція журнала „МІРЪ КРАСОТЫ“,
Петроградъ, Невскій пр., 114.
Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
на ежедневную прогрессивную, общественно-по-
литическую и экономическую газету

„Петроградскій Курьеръ“.

Подписная цѣна

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Петрогр.	9.—	8.75	7.75	7.—	6.40	5.65	5.—	4.25	3.50	2.75	1.90	1.—
Всѣ г. Росс.	10.—	9.25	8.50	7.70	6.90	6.10	5.50	4.50	3.65	2.80	1.90	1.—
За границу	18.—	15.30	14.25	14.—	12.65	11.35	10.—	8.10	7.05	5.50	4.—	2.—

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, рабочихъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 мѣс.—7 р. 80 к., 9 мѣс.—5 р. 80 к., 3 мѣс.—2 р. 20 к., 1 мѣс.—75 к.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при под-
пискѣ 3 руб.; въ апрѣлѣ 3 р. и въ августѣ 3 р.

Льготная подписка для сельскихъ учителей и др.: при
подпискѣ 3 р.; въ апрѣлѣ 3 р. и въ августѣ 1 р. 80 к.

Подписка принимается только съ 1-го и по 1 число каж-
даго мѣсяца, годовая до 1 января.

Отдѣльные №№ 3 к., на ст. жел. дор. 5 к.
въ Петроградѣ 3 к., и въ провинціи 5 к.

Главная Контора: Невскій пр., 78, телеф. 652-72.

8-й годъ изданія **„ПСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ“** 8-й годъ изданія

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 12 м.—4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 30 к., 1 м.—45 к.

Адресъ конторы: Псковъ, Сергіевская ул., д. Тульчѣва.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г.

на ежедневную, прогрессивную, литературно-обществен. и политико-эконом. газету

5-й годъ изданія **„ПРИДНѢПРОВСКІЙ ГОЛОСЪ“** 5-й годъ изданія

ВЪ ГАЗЕТѢ участвуютъ литературныя силы столицы и провинціи.
ОТДѢЛЫ большихъ провинціальныхъ газетъ. ТЕЛЕГРАММЫ Петроградск. телеграф. агент.
(военныя, политическія и общественныя.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 4 р. 50 к., 1/2 г. 2 р. 25 к., 3 м. 1 р. 25 к., 1 м. 45 к.
Адресъ: Кременчугъ, Контора газеты „Приднѣпровскій Голосъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на большую, въ форматѣ столичныхъ газетъ, политич., обществен. и литературную газету

„ЯЛТИНСКІЙ КУРЬЕРЪ“.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Газета выходитъ въ гор. Ялтѣ по понедѣльникамъ и во всѣ послѣпраздничные
дни, когда другія утреннія ялтинскія газеты не выходятъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ: на 12 мѣс.—2 р., на 6 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—30 к.
Подписка принимается въ гор. Ялтѣ, въ главной конторѣ, въ домѣ генерала Витмера,
подъ гостиницей „Ореанда“.

Редакторъ-издатель С. М. Мѣхуновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на газету

„СТАРЫЙ ВЛАДИМИРЕЦЪ“

(VII годъ изданія).

Основная задача газеты — полное, всестороннее и безпристрастное освѣщеніе
жизни Владимірскаго губерніи.

Корреспонденты во всѣхъ городахъ и крупныхъ центрахъ Владимірскаго губ.
Въ газетѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи, карикатуры, портреты выда-
ющихся дѣятелей и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 5 РУБ.

На 1 г.—5 р., на 11 м.—4 р. 75 к., на 10 м.—4 р. 50 к., на 9 м.—4 р. 25 к., на
8 м.—4 р., на 7 м.—3 р. 50 к., на 6 м.—3 р., на 5 м.—2 р. 75 к., на 4 м.—2 р. 30 к.,
на 3 м.—1 р. 80 к., на 2 м.—1 р. 30 к., на 1 м.—70 к.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка при условіи непосредственнаго об-
ращенія въ контору газеты (губ. г. Владиміръ, Б. Нижегородская, д. Зворыкина):
при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 2 р., къ 1-му мая 1 р.

Редакторъ-Издатель Пав. Ф. Леонтьевъ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

48 ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **ДОНЪ** НА 1915 ГОДЪ.

Со 2-го февраля 1915 года газета „Донъ“ начнетъ 48-й годъ своего изданія.
Пресуществовавъ такой долгой срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочностъ сво-
ихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она
служила почти столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1915 годъ, редакція
ограничивается лишь указаніемъ этого факта безъ всякихъ обѣщаній: что мож-
но будетъ сдѣлать для улучшенія газеты — то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Воронежъ: на 1 г.—6 р., на 1/2 г.—3 р. 50 к., на 3 м.—2 р.,
на 1 м.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города: на 1 г.—7 р., на 1/2 г.—4 р., на
3 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—1 р.

Ред.-Издатель В. Веселовскій.

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ.

- Вагетнаго, съ 31 рис. — 30 к. Бочарнаго, съ 50 рис. — 40 к. Булочнаго — 35 к. Выжиганія, съ 46 рис. — 30 к. Выпиливанія, съ 75 рис. — 30 к. Женск. рукодѣлій, съ 65 рис. — 30 к. Жестяного, съ 98 рис. — 40 к. Зеркальнаго, съ 5 рис. — 30 к. Золоченія и серебрения по дереву и металлу, съ 14 рис. — 30 к. Кожевеннаго, съ 5 рис. — 30 к. Корзиночнаго, съ 52 рис. — 30 к. Краснодеревнаго, съ 117 рис. — 30 к. Кузнечнаго, съ 62 рис. — 30 к. Кро-
вельнаго, съ 103 рис. — 30 к. Лаковъ и замазокъ — 30 к. Литейнаго, съ 54 рис. — 50 к. Луженія, паянія и никкелированія — 30 к. Малярнаго — 30 к. Мукомольнаго, съ 28 рис. — 50 к. Мыловареннаго, съ 37 рис. — 40 к. Обойнаго, съ 67 рис. — 30 к. Пе-
реплетнаго, съ 76 рис. — 40 к. Печнаго, съ 30 рис. — 40 к. Плотничнаго, съ 104 рис. — 30 к. Полированія и лакированія — 50 к. Починки галошъ и шинъ — 30 к. Прачечна-
го и красильнаго — 40 к. Выдѣлки ваксы — 25 к. Лампаднаго масла — 30 к. Колес-
ной мази — 30 к. Чернилъ — 30 к. Протравки дерева подъ дубъ, орѣхъ и т. п. — 50 к. Рѣзчика по дереву, съ 62 рис. — 30 к. Сапожнаго, съ 20 рис. — 50 к. Слесар-
наго, съ 94 рис. — 30 к. Скорняжнаго — 30 к. Столярнаго, съ 118 рис. — 50 к. Те-
лѣжно-колеснаго, съ 26 рис. — 40 к. Токарнаго по металлу, съ 103 рис. — 50 к., по
дереву, съ 141 рис. — 30 к. Часового, съ 43 рис. — 50 к. Чемоданнаго, съ 39 рис. — 40 к. Черепичнаго, съ 59 рис. — 50 к. Чучельнаго, съ 44 рис. — 40 к. Шорнаго, съ 44 рис. — 30 к. Штемпелей каучукъ, съ 11 рис. — 40 коп. Штукатурнаго, съ 52 рис. — 30 коп. Шеточнаго, съ 39 рис. — 30 коп.

КНИГИ ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ.

- Домашній Электротехн. съ 66 рис. — 30 к. Гальванопласт., съ 27 рис. — 40 к. Постр. маленьк. аккумулятора, съ 37 рис. — 30 к. Постр. маленьк. динамо-машины, съ 25 рис. — 30 к. Постр. мал. электр. двиг., съ 35 рис. — 30 к. Устр. деш. электр. освѣщ. лампочки накаливан., съ 39 рис. — 30 к. Никкелиров. собственноручн. приб., съ 6 рис. — 30 к. Сухіе гальваническіе элементы съ 12 рис. — 30 к. Спутникъ электромонтера, съ 40 рис. — 40 к. Устр. спирали Рум-
корфа и опыты, съ 26 рис. — 30 к. Школа электротехн., съ 59 рис. — 40 к. Электр. звонки и сигнализациа: проводка, ремонтъ, съ 76 рис. — 30 к. Электр. освѣщеніе, устройство, новости, съ 100 рис. — 40 к. Устройство карманныхъ фонарей, съ 29 рис. — 30 к. Обмотка якорей динамо-машинъ, съ 13 рис. — 30 к. Постр. динамо-
машины съ кольцеобр. якоремъ, съ 48 рис. — 50 к. Какъ построить безпривол. телегр., съ 49 рис. — 40 к. Высылаетъ наложеннымъ платежомъ

въ Петроградѣ—Книгоиздательство А. Ф. СУХОВА, Б. Подъяческая, 19,
въ Москвѣ — Книжн. складъ М. Петрова, бл. Охотн. ряда, Тверская, 13

Пересылка одной книги — 15 к., 2 кн. — 19 к., 3 кн. — 23 к., 4 кн. — 27 к. и 5 кн. — 31 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже. При выпискѣ на 3 руб. пересылка бесплатно. Кatalогы высылаются бесплатно.

5-й годъ изданія **„РЫБИНСКАЯ ГАЗЕТА“** 5-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1915 годъ
на литературную, общественную и биржевую газету для Поволжскаго края.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 5 р., на 1/2 г. 2 р. 50 к., на 3 м. 1 р. 50 к. и на 1 м. 50 к. съ доставкой и пересылкой (можно марками).
Адресъ конторы и редакціи: г. Рыбинскъ, Крестовая ул., 75, телеф. 433.
Редакторъ-издатель Н. П. Любимъ.

ПОДПИСКА на 1915 годъ
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

3-ий годъ издан. **ДЕНЬ** **3-ий годъ издан.**

За 30 к. (почт. мар.) для озн. газ. высыл. въ течен. 2 недѣль

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ
 на западномъ, восточномъ и кавказско-турецкомъ фронтахъ.

Въ газетѣ принимаютъ участие: В. А. Агафоновъ, Влад. Азъвъ, А. В. Амфитеатовъ, Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, К. К. Арсеневъ, Н. П. Ашешовъ, Вл. Беренштамъ, Л. М. Бикерманъ, Р. М. Бланкъ, Александръ Блокъ, В. Я. Богучарскій, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, проф. А. К. Бороздинъ, Валерій Брюсовъ, В. Бурцевъ, Эмиль Верхарнъ, В. В. Водозовъ, С. Вольскій, Ч. Ебтринскій, Б. Ф. Гейеръ, Зин. Гиллиусъ, А. К. Дживилеговъ, С. Г. Дмитриевъ, Д. Заславскій, (Homunculus), С. Золотаревъ, проф. А. А. Исаевъ, проф. Л. П. Карсавинъ, В. Керженцевъ, П. С. Коганъ, В. П. Колонийцевъ, проф. С. А. Корфъ, А. Р. Кугель, (Homo Novus), Л. Р. Кугель, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Эм. Ласкеръ, Н. Левинъ, проф. Н. О. Лосскій, А. В. Луначарскій, Евг. Ляцкий, Д. С. Мережковский, Н. Г. Мижухевъ, О. Миртовъ, Н. В. Новорусскій, Н. П. Огановскій, О. Л. Д'Орть, К. Д. Пажитновъ, С. Т. Патрашкинъ, К. М. Пономаревъ, П. П. Потемкинъ, А. Пругавинъ, И. Ратнеръ, А. М. Ремизовъ, И. М. Розенфельдъ, Петръ Рыссъ, Сильчевскій, М. А. Славинскій, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ю. М. Стекловъ, пр. Е. В. Тарге, В. Теръ-Оганезовъ, И. Трегубовъ, А. Троповскій, Поль Форъ, А. М. Хирьяковъ, Викторъ Чертовъ, П. Е. Щеголевъ, Б. Я. Эмануилъ, К. Я. Этингеръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой: на 12 мѣс.—10 р., на 6 мѣс.—5 р. 30 к., на 3 мѣс.—2 р. 80 к., на 1 мѣс.—1 р.

ПЬЮТНАЯ ПОДПИСКА. РАЗСРОЧКА.

Цѣна отдѣльнаго №—5 коп.
 Газета „ДЕНЬ“ продается во всѣхъ мѣстнахъ жел. дор. и у газетчиковъ во всѣхъ городахъ Россіи.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 69.

НИВА еженедѣльный иллюстрированный журналъ. **1915 г.**
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, рис. въ краск., иллюстраціи съ театра воен. дѣйствій. **52** **КНИГИ**, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

12 **КНИГЪ** ЕЖЕМѢСЯЧН. ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“.

40 **КНИГЪ** „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

1-ю СЕРІЮ—18 **КНИГЪ** ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ— **И. А. БУНИНА.** въ **12** **КНИГАХЪ**

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ (Оконч. повѣсти „ЯМА“) въ **2-хъ** **КНИГАХЪ** **А. И. КУПРИНА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ— **М. МЕТЕРЛИКА.** въ **8** **КНИГАХЪ**

1 **Генеральная карта** средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій, подъ ред. проф. Ю. М. Шокальского.

12 **№№** „Ежемесячныхъ новѣйшихъ модъ“. **12** **ЛИСТОВЪ** выроекъ и рисунк. руководящихъ работъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢС. КАЛЕНДАРЬ“ на 1915 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ: безъ доставки: въ Петроградѣ—6 р. 50 к., въ Москвѣ, у Печковской, 7 р. 25 к., въ Одессѣ „Образование“—7 р. 50 к.; съ дост. въ Петроградѣ—7 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—8 р.

Адресъ: Петроградъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
 на общественную, литературную и экономическую газету
„Вѣстникъ Западной Сибири“.

Пятый годъ изданія.

Газета ставитъ себѣ цѣлью широкое освѣщеніе культурно-экономической жизни Сибири, возможно полное отраженіе событій на театрѣ войны и ознакомленіе съ бытомъ, жизнью и промыслами разнообразной по природнымъ условіямъ великой Сибирской равнины путемъ помѣщенія ряда художественныхъ очерковъ и разсказовъ.

г. Тюмень. Уг. Успенской и Иркутской ул.

Подписная цѣна: 1 г. — 6 р., 1/2 г. — 3 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 80 к.

Редакторъ И. А. Тиховъ Издатель М. М. Кузнецова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
 НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„ВОЛЖСКІЙ ДЕНЬ“

издающуюся въ г. Самарѣ.

„Волжскій День“ — безпартийный прогрессивный органъ, ставящій себѣ задачей — обслуживать Самарскую губ., а также освѣщать жизнь и интересы смежныхъ съ нею Уфимской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской губерній, г. Сызрани и Уральской области.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
 на 1 г. — 7 р., на 1/2 г. — 3 р. 50 к., на 3 м. — 1 р. 80 к., на 1 м. въ г. Самарѣ 65 к., на 1 м. иногородн. 70 к. Коллективная подписка служащ. въ казен. и обществен. учрежден. по 55 коп. въ мѣсяцъ. Допускается разсрочка подписной платы при непосредственномъ обращеніи въ главную контору газеты.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
 Въ главной конторѣ: Самара, Дворянская ул., д. № 130. Телеф. 11—61. Въ отдѣленіяхъ конторы „Волжскаго Дня“: Бугурусланскомъ — Бугурусланъ, Дворянская ул., книжный магазинъ Н. В. Калачева; Бугульминскомъ — Бугульма, д. А. Ф. Елачича; Бузулукскомъ — Бузулукъ, у Ф. Ф. Дерябина; — книжный складъ Бузулук. Земст.; Сызранскомъ — Сызрань, Симбирская, 94, у П. И. Сѣнова. Въ отд. производится приемъ объявленій и розничн. продажа №№ газеты по 5 коп. экз. Адресъ для телеграммъ: Самара, День. Издатель С. А. Елачичъ.

60.000 читателей имѣетъ самая распространенная въ южн. пол. ежедневная общественно-политич. и литературная газета
„Вѣстникъ Юга“.

(4-й годъ изданія).

Публикаціи, помѣщаемыя въ ней, имѣютъ огромный успѣхъ.

Подписная цѣна: въ годъ съ доставкой и пересылкой: **4 р. 50 к.** Пробные №№ за 7 коп. марку. Ялта, „Вѣстнику Юга“.

ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„РИЖСКАЯ МЫСЛЬ“

ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ РИГѢ,
 въ конторѣ редакціи: Бл. Кузнечная ул., 30. Телефонъ 29-75.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки за годъ — 6 р., 1/2 г. — 3 р. и за 1/4 г. — 1 р. 50 к., съ пересылкой и доставкой за годъ — 8 р., 1/2 г. — 4 р., 1/4 г. — 2 р.

„Рижская Мысль“ — самая распространенная русская газета въ Ригѣ, и потому помѣщеніе въ ней объявленій доставляетъ объявителямъ значительныя выгоды.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
 НА ЕЖЕДНЕВНУЮ МУНИЦИПАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„ГОРОДСКОЙ ВѢСТНИКЪ“
 ИЗДАНІЕ САМАРСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Задача газеты — разработка и освѣщеніе различныхъ вопросовъ гор. хозяйства и городского самоуправления и ознакомленіе читателей съ разными теченіями въ области муниципальной жизни Россіи и другихъ странъ.

„Городской Вѣстникъ“ выходитъ въ г. Самарѣ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ дней послѣднорядничья.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой на домъ:
 На годъ — 3 руб., 6 мѣс. — 1 руб. 60 коп., 3 мѣс. — 90 коп., 1 мѣс. — 30 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкой:
 На годъ — 4 руб., 6 мѣс. — 2 руб. 20 коп., 3 мѣс. — 1 руб. 10 коп., 1 м. — 40 коп.

Въ отдѣльной продажѣ номеръ 3 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Самара, Дворянская ул., д. № 62. Телеф. — № 25. Издатель: Самарское Гор. Общест. Управленіе. Редакторъ: К. И. ЛАНДЕРЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“
 на 1915 годъ (годъ изданія XXIII).

Въ 1915 г. „Нижегородскій Листокъ“, оставаясь вѣрнымъ своему прогрессивному направленію, будетъ издаваться подъ прежней редакціей.

Ежедневно отъ собствен. корресп. по **ТЕЛЕФОНУ** изъ **МОСКВЫ** получаются послѣднія извѣстія о войнѣ, а также изъ политической и общественной жизни.

Письма съ театра военныхъ дѣйствій отъ собственныхъ корреспондентовъ **ТОРГОВЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ** печатается въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ ежедневно. Корреспонденціи изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ и многихъ селъ и деревень Нижегородск. губ. Постоянныя письма о Государственной Думѣ отъ соб. корресп. — чл. Госуд. Думы П. В. Герасимова (Костром. губ.), А. И. Шингарева (Петроградъ) и др. Въ 1915 г. „Ниж. Лист.“ будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА „НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ НА 1915 ГОДЪ:
 Для сормовскихъ и городскихъ подписчиковъ:
 на 1 м. 1 р.—2 м. 1 р. 50 к.—3 м. 2 р.—4 м. 2 р. 75 к.—5 м. 3 р. 50 к.—6 м. 4 р.—7 м. 4 р. 75 к.—8 м. 5 р. 50 к.—9 м. 6 р. 25 к.—10 м. 7 р.—11 м. 7 р. 50 к.—12 м. 8 р.

Для иногороднихъ подписчиковъ:
 на 1 м. 1 р.—2 м. 1 р. 75 к.—3 м. 2 р. 50 к.—4 м. 3 р.—5 м. 4 р.—6 м. 4 р. 50 к.—7 м. 5 р.—8 м. 5 р. 50 к.—9 м. 6 р. 25 к.—10 м. 7 р.—11 м. 7 р. 50 к.—12 м. 8 р.

О РАЗСРОЧКѢ. Доп. РАЗСРОЧКА подп. платы для год. подписч.: при подписчѣ 2 р., къ 1 марта 2 р., къ 1 июня 2 р. и къ 1 сент. остальн. деньги, или ежем. по 1 р. **СЛУЖАЩІЕ** въ казен. и обществ. учрежд., подписавшіеся черезъ казначеевъ, уплачиваютъ: при подписчѣ 1 р. и ежемѣс.—городск. по 60 к. и иногородн. — по 70 к.

О СКИДКѢ. Сельскому духовенству, учителямъ начальныхъ школъ, низшему персоналу земскихъ служащихъ, при подписчѣ на годъ, дѣлается **СКИДКА** съ подписной платы въ размѣрѣ 1 руб., а при подписчѣ на полгода—въ размѣрѣ 50 коп.

РАННИЙ ВЫХОДЪ газеты обезпеч. своевр. доставку ея гг. подписч. По линіямъ Моск.-Нижегор. и Моск.-Казанск. ж. д. газета отправляется съ первыми отходящими поѣздами.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Гл. Конт., Больш. Покровка, д. Припѣшвикова.

Отъ издательства „Новаго Сатирика“.

Послѣ долгаго перерыва (происшедшаго по независящимъ отъ издательства причинамъ) „Новый Сатириконъ“ вновь выпустилъ въ свѣтъ книгу:

АРК. АВЕРЧЕНКО.

„Круги по водѣ“.

(Шестнадцатое изданіе). Съ иллюстр. Ре-ми, Радакова, Юнгера, Лебедева и Герардова.

КНИГА ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ.

Въ отвѣтъ на многочисленныя запросы, доводимъ до свѣдѣнія нашихъ читателей, что всѣ произведенія, помѣщенныя въ „Дешев. библиотекѣ Новаго Сатирика“, въ журналѣ нашемъ напечатаны ранѣе не были и являются, такимъ образомъ, нашимъ читателямъ неизвѣстными.

КНИГИ

изд. С. А. Козловскаго для самообученія: Рѣш. и подробн. объясн. 2—10-ю спос. всѣхъ арием., алгеб., геомет., триг. и анал. зад. сборниковъ: 1) Верещагина; 2) Малинина и Бур.; 3) Гольденберга; 4) Евтушевскаго ч. ч. I и II; 5) Арбузова и К.; 6) Шапошникова и Вальцова; 7) Киселева; 8) Сорокина; 9) Рыбкина; 10) Клиновскаго; 11) Минина; 12) Вулиха; 13) Давидова; 14) Бычкова; 15) Стеблева; 16) Золотанскаго; 17) Воинова; 18) Горячева и др. Скидка 20% при Вашей перес. Подроб. объявл. съ образц. рѣш. зад. выслано бесплатно. Выписывать исключ. по адресу: *Бѣлая-Церковь*, Киев. губ., С. А. Козловскому.

СПОРТИВНЫЙ ЖУРНАЛЬ „СИЛА ВНУТРИ НАСЪ“.

„На веревкѣ висѣли нѣмцы — ихъ повѣсили свои же за то, что они навасривали лыжи отъ казаковъ и не хотѣли идти на проволочныя загражденія, которыя, какъ сѣтка лаунъ-тенниса, виднѣлись вдали. Отрубленныя головы враговъ, какъ крокетные шары, валялись всюду. Страшная тоска, тоска человѣка, потерявшаго свою любимую скаковую лошадь, овладѣла моей душой“...

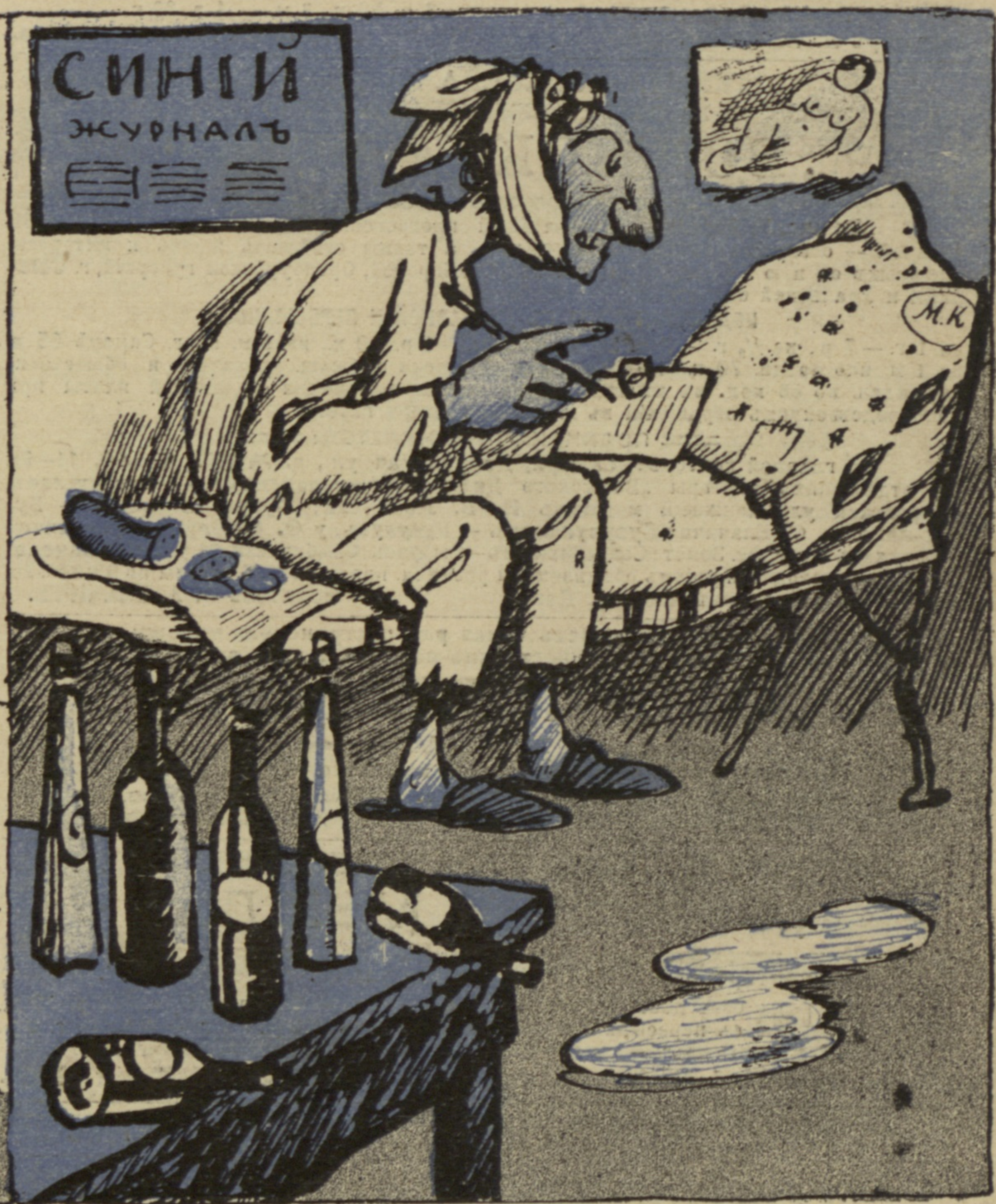
ЖУРНАЛЬ „ДАМСКІЙ МІРЪ“.

„На землѣ чернѣе чернаго бархата, какъ манекены, валялись трупы солдатъ. Вороны, точно, шляпы снесенныя вѣтромъ, вились надъ ними. Проволочныя загражденія висѣли, какъ гигантскія вуалетки. На землѣ валялись пулеметныя ленты, а клубы дыма на горизонтѣ подымались къ небу, какъ огромныя черныя локоны“.

ЖУРНАЛЬ „СЕМЕЙНЫЙ УЮТЬ“.

...„Я схватилъ знамя и не замѣтилъ, какъ перебѣжалъ сотню верстъ по непріятельской территоріи. На меня смотрѣли пасти 40-ка-дюймовыхъ орудій, точно рты ревущихъ первенцовъ; отъ обгорѣвшихъ домовъ шель чадъ, какъ отъ самовара съ черными углями, а я все бѣжалъ и бѣжалъ... Точно за мной гналась жена, нашедшая въ моемъ карманѣ женскій чулокъ“.

„СИНИЙ ЖУРНАЛЬ“.

Направо стояла батарея, уже пустая; около меня, точно большая колбаса, лежалъ трупъ изрѣзаннаго на куски нѣмца. Я съ ужасомъ наблюдалъ, какъ по бѣлоснѣжнои равнинѣ ко мнѣ цѣлыми полчищами приближались враги кр вопійцы.

— Ша-а-а! — кричалъ я на нихъ, — подождите подписки: теперь мы очень отошали, — не вкусные!